

ДЕНЬ ЛИТЕРАТУРЫ

ГАЗЕТА РУССКИХ ПИСАТЕЛЕЙ
МАРТ 2015 г. • № 3 (221) ЦЕНА ДОГОВОРНАЯ
Издается редакцией и Союзом писателей России

Владимир БОНДАРЕНКО

УТРОБНАЯ РУСОФОБИЯ

Утробная русофобия, так же как и любая другая утробная ксенофобия раздвигает души даже вполне образованных и причастных к большой культуре людей.

Все русские литераторы хорошо помнят, как наш нобелевский лауреат Иосиф Бродский, уже проживая в Америке, дал отпор на мировом литературном форуме зарвавшимся русофобам. В то время как российская делегация, состоящая из таких писателей, как Татьяна Толстая, стыдливо отмолчалась. Обратимся к его полемике с чешским писателем Миланом Кундерой, ныне столь щедро рекламируемом в российской прессе и издаваемом в наших престижных издательствах. Этим бы издательствам заодно в предисловии напечатать сначала статью Кундеры "Предисловие к вариации" из книжного обозрения в "Нью-Йорк таймс" от 6 января 1985 года, а затем и ответ Иосифа Бродского буквально через месяц в воскресном "Книжном обозрении" газеты "Нью-Йорк таймс" от 17 февраля 1985 года "Почему Милан Кундера несправедлив к Достоевскому". Тем более что статья Милана Кундера осознанно нашими культурными либералами ни разу не была опубликована в нашей прессе.

А на обложку всех книг Милана Кундера, выходящих на русском языке в России, я бы обязал выносить жирными буквами изречение Иосифа Бродского, тоже стыдливо замалчиваемое в нашей прессе: "Кундера – это быдло. Глупое чешское быдло".

Впрочем, ещё за год до своей антидостоевской статьи Кундера опубликовал в апреле 1984 года там же, в центральном органе всех мировых либералов, свой нашумевший манифест "Трагедия Центральной Европы". Кундера, как всякий бывший коммунист, как всякий ренегат, сначала верноподданнически подмахивавший советской власти и даже споривший с Вацлавом Гавелом осенью 1968, призывая к компромиссу с советской армией, к отказу от сопротивления, к "умеренности и реализму", отказавшись от своих былых взглядов, стал luego носить своих бывших единомышленников. Ему уже мало было критики Советского Союза, он решил бороться со всей тысячелетней Россией и её великой литературой... он решил бороться даже со своим собственным славянством. Он негодует: "Чехам (вопреки предостережениям своей элиты) нравилось по-детски размахивать "славянской идеологией", считая её защитой от германской агрессии. Русские тоже с удовольствием использовали её для оправдания своих имперских планов". "Русские называют всё русское славянским, чтобы потом назвать всё славянское русским"... Джозефа Конрада, поляка по происхождению, раздражал ярлык "славянская душа", который навешивали на него и его книги... Как я его понимаю! Я тоже не знаю ничего более нелепого, чем этот культ туманных глубин, трескучие и пустые рассуждения о "славянской душе", которую мне периодические приписывают..."

Поражает самопредательство славянских писателей, отказ не только от связи с русской культурой, но и от истории своих народов. Решили в немцах или американцев переименоваться, будто те их только и ждут. Куда, на самом деле, деться тому же Джозефу Конраду не только от славянской души, но и от русскости, ежели он, рождённый на Украине, рос и познавал мир всё в той же Вологде, недалеко от Череповца, и до конца дней своих говорил по-английски с чисто славянским акцентом? Не уйти было от славянского мира ни Милану Кундере, ни Даниле Кишу, ни Адаму Загаевскому...

Вот из таких ренегатов всегда позже и вырастают самые злобные русофобы. По сути, все либерализующие интеллигенты и политики стран Восточной Европы – изодранные коллаборационисты, отдающие свои страны и народы в американское рабство. Лишь бы не союз с Россией, единственной страной, которая никого в рабство заполучать не собирается.

Кундера пишет: "Россия – это особая цивилизация, другая цивилизация... не просто одна из европейских стран...". Изречения Кундера и ему подобных хорошо бы вывесить на стенку нашим либералам, мечтающим стать европейцами. Десятку-другую Печерных Европа выдержит, но остальным уж точно даст под зад колено. Я ещё у Ле Пена в своё время в гостях на его даче, спрашивал: "Почему вы так настроены к русским? Чем арабов и негров пускать сотнями тысяч в Париж, лучше бы русских пустили к себе на чёрные работы. Или мы для вас не белые?"

Ле Пен отвечал: "Вы всё-таки другие, другая цивилизация". Но он хотя бы не был русофобом. А вот Милан Кундера пугается даже русской литературы, Гоголя, Достоевского, Салтыкова-Щедрина. Услышьте же, наконец, Игорь Золотуцкий и Игорь Волгин, о кундеровском "ужасе, перед миром, который встаёт со страниц его (Гоголевской, – В.Б.) прозы. Стоит оказаться внутри него, как мы сразу понимаем, насколько он нам чужд". Кундера обвиняет и западную Европу за её рационализм, с которым она легко предала восточноевропейские страны в угоду русским.

И вот сейчас все эти страны вошли в НАТО, в общую Европу, подавляя своими голосами старые европейские интересы в угоду главному хозяину – Америке. За что уважать эти сервильные лайкейские образования, лишённые всякой истинной независимости? Ещё раз повторю знаковые слова Иосифа Бродского в адрес Милана Кундера: "Кундера – это быдло. Глупое чешское быдло".

А я вспоминаю откровенный разговор с одним из крупнейших политиков Германии: "С вами, русскими, мы ещё договоримся, у вас есть своя цель, свой смысл существования, но уж с поляками дозволено нам справиться самим. Это не народ. Так. Напыщенное лайкейство...". И так думают почти все западноевропейские политики, временно политкорректно пряча свои мысли.

Милан Кундера в своём письме "Предисловие к вариации", пока ещё скрываемом от русского читателя, пишет: "Меня раздражала атмосфера романов Достоевского: мира, где любая мелочь оборачивается переживанием, или, другими словами, где чувства возводятся в ранг ценностей и истин...".

Русская "сомнительная чувствительная оккупация" чужду, и виноваты в этой оккупации – по Кундере – не советские танки и не коммунистический режим, а Достоевский и Гоголь, вечная сентиментальная имперскость. Милан Кундера пишет: "Столкнувшись с бесконечностью русской ночи, я ощутил в Праге насильственный конец

западной культуры, появившейся на заре нового времени... конец Запада, каким он представлялся мне на заре модернизма. В маленькой западной стране я видел закат западного мира. Это было великое прощание".

Бродский объясняет нашкродившему Кундере, что он лишь пал жертвой геополитической детерминированности – концепции деления мира на Запад и Восток, придуманной всё на том же рациональном Западе, никак не желающем впускать в Европу чересчур громоздкую Россию. Но заодно относящих к тому же Востоку и всех этих "полячишек, чешешек и прочих румынов".

Указал Иосиф Бродский презрительно и эстетическое место Милану Кундере в сравнении с Федором Достоевским. "Если у литературы и есть общественная функция, то она... в том, чтобы показать человеку его духовный максимум. По этой шкале метафизический человек романов Достоевского (так же как герой стихов Иосифа Бродского или Юрия Кузнецова, – В.Б.) представляет собой большую ценность, чем кундеровский уязвленный рационалист, сколь бы современен и сколь бы распространён он ни был".

Но, предавая Россию и Достоевского, Милан Кундера, сам может быть не догадываясь об этом, далее предаёт и свой любимый Запад, предаёт свою Чехию в угоду Западу, и воспевает лишённое и религии, и культуры, и любой другой фундаментальной основы безликое безнациональное общество взаимных предателей. Читая Кундере, понимаешь, что ждёт Европу от исламских фундаменталистов. Как его любимая героиня Сабина из "Невыносимой лёгкости бытия", он пестует предательство как образ жизни...

Прошли десятилетия после предательства Кундерой великой русской культуры, в своё время и воспитавшей его. В очередь за Кундерой выстроились тем временем десятки, а может уже и сотни писателей, режиссёров и художников Восточной Европы и всего постсоветского пространства. В конце концов, это и есть признак мелкой потребительской культуры, за похлёбку предавать хозяев, из просоветских и прорусских легко становится проамериканскими или проамериканскими, лишь бы деньги платили. Политика тут как бы и не причём.

Ведь можно как угодно относиться к Сталину, Брежневу, Ельцину, Путину, но если ты воспитан на русской культуре, то как можно заодно с Путиным или Ельциным предавать и Чехова, и Станиславского, и Пушкина, и Гоголя? Не верю в подобную объективность. Самая крутая и наглая ложь. И вот уже два примера из недавнего времени.

Первый, о грузинском режиссёре Отаре Иоселиани, столь любимом всеми нашими театрами. И опять же, речь идёт не о политике и политиках. Грузинский режиссёр сказал: "Мира у нас с Россией никогда не будет!.. Если раньше мы испытывали к ней презрение, сейчас возникла ненависть. Это очень серьёзно. Поэтому живите с русскими, как вам угодно. Целуйтесь с ними и говорите, что НАТО – это опасно, а Россия – это безопасно. Но возврат к прежнему невозможен! Двести лет терпения и презрения кончились!..." Иоселиани осуждает не президентов и не генералов, а саму русскую нацию, саму русскую культуру. Значит, двести лет нас терпели и презирали, а зачем? Зачем спрашивать в состав Русской империи? Пусть бы вас, господо грузины, перерезали бы турки, целиком и окончательно. Так же, как и болгар, и молдаван, и другие ныне жутко антирусские нации.

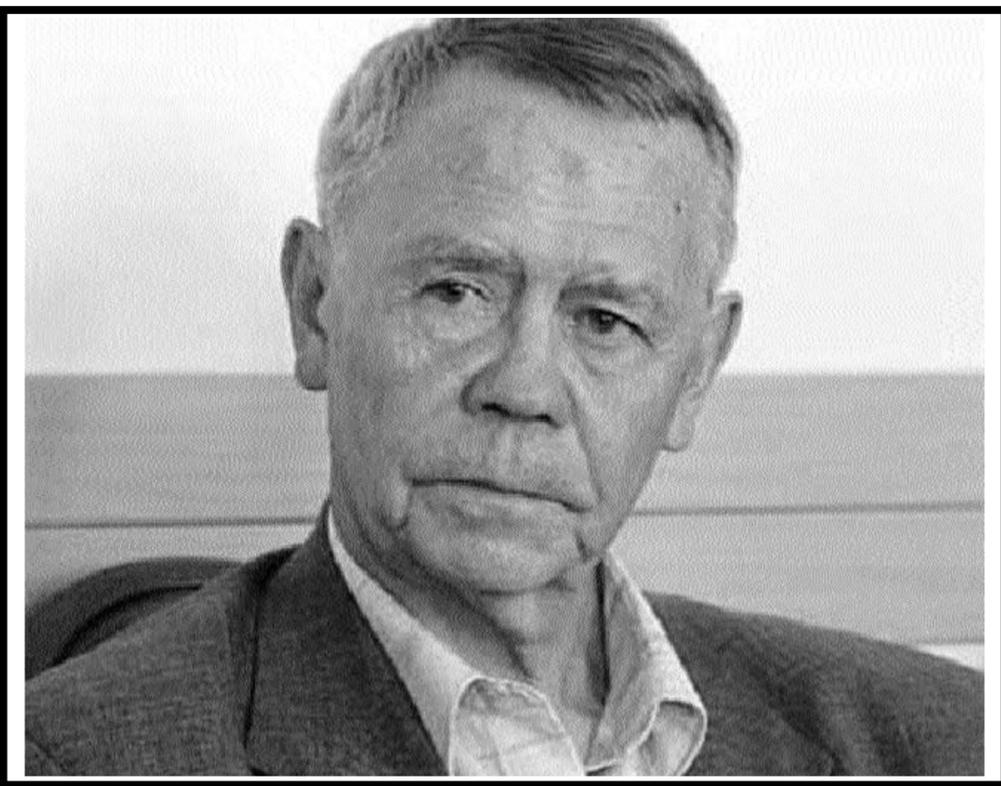
Мне недавно сказал один известный немецкий политик: "Беда у вас, русских, только одна – вы любите возиться со своими малыми народами, опекают своих соседей. Вам это не нужно, территории у вас хватает, сырьё хватает, великая культура, пусть они сами о себе забываются...". Немцы так и поступают рационально. Знают, что доверять никому нельзя.

Вот второй, самый свежий пример, уже описанный в "Свободной прессе". Хорошо знакомый мне по общему театральному прошлому, известный всей России литовский режиссёр Эймунтас Некрошюс, прославившийся и в России, и по всей Европе прежде всего своими постановками русской классики, своими яркими интерпретациями произведений Гоголя, Пушкина, Достоевского, Толстого, вдруг заявил о своей ненависти ко всей русской культуре. Не к сомнительным творениям того же Владимира Сорокина, "Дети Розенталя" которого он поставил в Большом театре, а ко всей русской культуре. Некрошюс заявил: "В прошлом я бы сказал, что это очень близкая культура – для меня, Литвы. Но в последнее время моё отношение претерпевает большие изменения. И ничего не можешь с собой поделать. Меняется мнение и о русском театре, и о российском кино, о всей русской культуре". Неужели Некрошюс не понимает, что он сам как режиссёр без вскормившей его русской театральной школы (а он выпускник ГИТИСа из мастерской Андрея Гончарова, давшей миру и России немало знаменитых режиссёров, от якута Андрея Борисова до самого Эймунтаса Некрошюса), ничего не значит?

Можно не любить ту или иную партию, тех или иных политиков, ту или иную власть, но сжигая башню культуры, на которой ты стоишь, не боишься ли и сам сгореть? Неужели и Милан Кундера, и украинские поэты Драч и Павлычко, и белорус Василь Быков, и грузин Отар Иоселиани, и литовец Эймунтас Некрошюс, и многие другие болгарские, польские, эстонские писатели и режиссёры, от Баниониса до Ветемава, всю жизнь свою в культуре мелко ввали и притворялись; так чего же стоит тогда эта их лживая культура?

Я говорю не об осознанных борцах с Россией, прошедших сквозь тюрьмы и лагеря, а об известнейших именно своей лояльностью СССР и России мастерах культуры. Это сегодня Некрошюс пишет: "Ты начинаешь придерживаться дистанции. От того, что ранее слепо, явно возвышали не только Литва, но и страны Балтии и другие страны. Русскую культуру возвышали даже в ущерб собственной культуре. Смотрели на русскую культуру с лайкейских позиций, с позиции меньшего. "Это наш старший брат", – твердила пропаганда, которой мы должны были придерживаться и верить, Так мы и поступали...". Тем самым Некрошюс себя и выдаёт: настоящий художник, ухась даже у самых великих мастеров прошлого, никогда не лайкействует.

Скорее, лайкействуют перед всеми этими русофобами наши либеральные чиновники и дельцы от культуры, превознося заслуги и Некрошюса и Иоселиани, щедро печатая Кундере и других русофобов большими тиражами. Наши либералы и впрямь ныне презирают великую русскую литературу – почитайте того же Невзорова и ему подобных. Не пора ли дать им всем отпор?!

Валентин Григорьевич РАСПУТИН (15.03.1937 – 15.03.2015)

На блаженную кончину писателя Валентина Григорьевича Распутина

Горькая весть обожгла нас. Никакими словами невозможно передать боль утраты, постигшей Россию и весь наш славянский мир.

В ночь с 14 на 15 марта завершился земной путь Валентина Григорьевича Распутина – великого гражданина

не укради, не прелюбодействуй, любовь в образе сладко поющей волшебной птицы, не разрушающей своего гнезда; традиции и обычаи, язык и легенды, покойники и история – всё это заметно перестает быть основанием жизни. Основание перестает быть основанием, и чем оно заменится? Победителей этот вопрос не интересует. Чем-нибудь да заменится, на то и завтрашний день... Как настоящая, природный христианин и русский чело-

Невозвратная потеря

России, классика русской литературы, нашего национального героя, участника сражений за русского человека, за Русскую землю, за русский Байкал, за Русское Слово...

Мы все с нетерпением ждали каждую его новую книгу, мы были благодарными зрителями спектаклей и фильмов, созданных по его драгоценным произведениям.

В его Слово вслушивалась вся совестливая Россия. Воистину энциклопедическими трудами и публицистическими статьями Валентина Григорьевича его родная Сибирь прирастала животворной исторической памятью и созидательной духовной энергией.

Трудно смириться с мыслью, что этот близкий и родной нам русский человек уже в Небесных обителях, что к нему уже не придешь за советом, за духовной поддержкой, в которых так часто нуждались и которые всегда от него получали...

Он остаётся с нами.
Он упрямо предубеждает нас: "Честь, совесть, не убей,

Пришло воистину народное горе. Умер великий русский писатель Валентин Григорьевич Распутин.

Хранитель русского языка, хранитель русской литературы, хранитель русской совести. Таким он и запомнится навсегда, не просто русским писателем, не просто деятелем культуры, а одним из больших символов русского народа. Написал он не так уж много, но как говорится: "мал золотник, да дорог". Все его повести и рассказы уже давно стали неотъемлемой частью великой русской литературы.

Для нас, авторов и сотрудников газеты "Завтра" он навсегда останется и одним из наших сподвижников, членов редколлегии газеты "День", соавтором наших общих писем в защиту русского народа и русской литературы, да и просто классиком русской национальной прозы XX века. Не забудем и о том, что его подпись стояла в газете "День" под "Словом к народу", и в отличие от иных гражданских и военных подписантов, он свою подпись не отсылал в самых суровых условиях 1993 года.

Я познакомился с Валентином Григорьевичем ещё в восьмидесяти годы, бывал у него дома и в Иркутске, и в Москве, бывал на его байкальской даче. Довелось не раз и брать у него интервью для нашей газеты. Рад, что Валентин Григорьевич доверил мне право сделать инсценировку его знаменитой повести "Процание с Матёрой" для доронинского МХАТа имени Горького. Спектакль по этой инсценировке шёл более десяти лет с неизменным успехом. Бывал на этом спектакле и сам Распутин. Всегда поражаля его скромность и такое чисто христианское смирение, при том что от позиций своих он никогда не отказывался, не боясь навлечь на себя гнев правителей.

В начале 90-х, когда мэром Москвы был Гаврила Попов и по Арбату бегали жирные крысы, спускаюсь в метро и чувствую – не взгляд, а два тлеющих уголька в мрачном подземелье, в катакомбах: тогда серость осевшей сажки легла на лица и на всё сущее в пространстве. Два уголька просто источали общее человеческое стечение.

Я обернулся на тлеющие огоньки – Валентин Распутин стоял, как это он всегда любил, в сторонке, в глубине. Тогда ещё его дочь не погибла, и привативная, красивая и очень скромная жена Светлана была жива. И творческая судьба, казалась бы, складывалась так, что на сегодняшний день видится почти нереальным: в тридцать семь лет лауреат Государственной премии, абсолютное общепланетное признание, член Президентского совета, великолепная квартира в районе Арбата... Но глаза Распутина – нечеловечески страдали. Или – человечески, как на распяты...

Чуть позже я стал вести программу на радио. Пригласил Распутина. Говорим в прямом эфире о его известных произведениях – и почти никакого отклика. Общество тогда было так накалено противостоянием (увь, и поньоне), что народ хотел слышать и говорить только о левых и правых, либералах и патриотах. Мне пришлось сменить пластинку. И обвал звонков! Вот проблема-то: как Валентин Распутин относится, скажем, к Рыжему...

Распутин, который в быту был молчалив и довольно косноязычен, перед микрофоном выступал прекрасно. Причина проста: ему было что сказать о главном, о существе. О том, что вне быта и над бытом.

1989 год, Сrostки, Шухшинские чтения. На горе Пикет 40 тысяч, как сообщали, человек – Пикет издала напечатанную распутившийся бутон! Распутин говорит о существе совести... В буквальном смысле – муха не пролетит! 40 тысяч затаённого ожидания, веры, что пришло долгожданное время, дальше существо совести обоймёт нашу жизнь, и только оно, подлинное существо наше, будет важным!

В 2000-ом у меня выходила книга. Мне говорили, что Распутин предисловий не пишет. Но я к нему обратился. И он взялся. Принёс ему рукопись на квартиру в Старо-Конюшенном переулке. Глянул на рукописный текст, лежащий на столе: мелким бисером написанные строки – с лупой не прочтатель! Такой "эффект" обрело его зрение после того удара тяжёлым предметом (кастетом, наверно), который великий писатель получил в 70-х от уличных хулиганов. Он сказал мне, что в день способен только один час или читать, или писать: что-нибудь одно. Я уж, было, обратно рукопись взять, но – это же Распутин! "Нет, нет, Володя, я напишу". "А куда подевалась в России родство?" – называем его статья о моей книге "Можно ли Россию пешком обойти?..."

В 2011-ом меня пригласили в Иркутск на литературные встречи "Этим летом в Иркутске". Не ради бахвальства хочу сказать – хотя здоровый человек не может в данном случае не погордиться. Выхожу на сцену Иркутского академического театра, полон зал (таков исторически Иркутск), и на пятом-шестом ряду вижу Валентина Григорьевича с чудной его женой Светланой. Светлана была – воистину женщина-

важнейшим образом принимала всех, кому Россия была родным Отечеством. Его доброй, широкой души хватало на каждого, кто обращался к нему. Его добрый взгляд впускал Любовь, Веру и Надежду.

Валентин Григорьевич Распутин до последнего своего часа оставался сопредседателем Союза писателей России, членом редколлегии многих журналов, организатором праздника русской духовности "Сияние России" в Иркутске, был в числе инициаторов возрождения Храма Христа Спасителя и создания Всемирного Русского Народного Собора, Шолоховского центра, литературно-художественного конкурса для детей и юношества "Гренадеры, вперёд!..."

Мы все потеряли друга, соратника и наставника... Прощайте, дорогой наш человек, и простите нас, Валентин Григорьевич...

ПИСАТЕЛИ РОССИИ

Он равно говорил и с земными "царями", и с коллегами-писателями, и со своими земляками. Потому и на самом деле его повести были истинно народной прозой. Не было в нем никогда и гордыни, мол, знаменитый писатель, земли русской. Он был просто – одним из крестьян, одним из сибиряков, одним из писателей. А если уж сумел показать трагедию русской деревни, исчезновение старого народного уклада, характер русского человека, значит, и дано было ему от Бога – многое. Потому и становится его слова – завещанием всей будущей России: "Кажется, нет никаких оснований для веры, но я верю, что Запад России не получит, – писал Распутин. – Всех патриотов в гроб не загнать, их становится всё больше. А если бы и загнали – гробы поднялись бы стоймя и двинулись на защиту своей земли. Потому ещё не бывало, но может быть. Я верю – мы останемся самостоятельной страной, независимой, живущей своими порядками, которым тыща лет. Однако лёгкой жизни у России не будет никогда. Наши богатства – слишком лакомый кусок".

Он и сам жил, писал, и мыслил, как вся Россия, независимо, согласно нравственным законам своего народа, но лёгкой жизни не знал никогда. Знал в авиакатастрофе 9 июля 2006 года погибла его дочь Маруся, а потом, в 2012 году, умерла супруга Светлана Ивановна. Эти смерти подломили и самого писателя. О себе уже и не думал, все мысли – о России.

Это и было литературным и гражданским завещанием великого писателя: беречь и хранить Россию, как бы трудно нам ни было. Так и будет!

Владимир БОНДАРЕНКО

свет! Красива, улыбочива, скромна до невероятного! Пара! Иркутское издательство "Сапронов" выпустило маленькую книжку моих рассказов. Она там же, в театре, продавалась. И после встречи на сцене выстроилась очередь людей с книжками, чтобы автор оставил свой автограф. Я сижу, пишу пожелания, голову поднимаю – ба, Распутин в очереди с моей книжкой стоит! Валентин Григорьевич! да вы что, я бы сам вам подписал и принёс авторский экземпляр!.. Ну, зачем же, Володя, я купил... Плакать, братцы, охота – слеза просится... Такие люди разве возможны?

На званном ужине Валентин Григорьевич усадил меня рядом и весь вечер мне подкладывал всякую вскуятину вроде байкальского омуля, подливал чашу выпить. В моём-то понимании он давно уже был там, в сонме великих – представляет, Лев Толстой наполняет вашу рюмку. Я взмолился: неловко! "Ты же гость, Володя, ты же гость". Так, друзья, я дальше спокойно и запрюкидывал эти рюмочки, наполненные Валентином Распутиным! (Сам-то он давно уже – ни грамма!) Я спросил его: что он пишет. Давно уже ничего не пишу. Почему? Интерес пропал.

Скоро я увидел фильм Сергея Мирошниченко "Река жизни". Валентин Распутин в кадре также отвечает, почему не пишет? Иначе: а кому читать-то?

Фильм поразительный! Валентин Распутин две серии почти постоянно молчит. Его творчество и даже образ мысли объясняет великий златоуст Валентин Курбатов. Рядом, тоже не очень многословный издатель Геннадий Сапронов: подлинный герой нашего времени. Он, журналист, ввязался в бизнес, чтобы на заработанные деньги издавать книги современных русских писателей.

В фильме ему доводится отвечать на вопрос: что такое смерть? (Почему его задали? Почему именно ему?) Сапронов отвечает, что смерти нет. И указывает на прекрасно изданные им книги – Распутина, Астафьева... Он умер сразу же после возвращения со съёмки фильма: переступил порог собственной квартиры, успев воскликнуть: "Что я видел...". Упал, и всё.

Следующим днём мы сидели в кабинете директора театра – красивого человека с безупречными манерами, чувством такта, идеальным соответствием в одежде – Анатолия Стрельцова. Стрельцов вдруг задумчиво и размеренно повёл рассказ: "Вчера посмотрел на карту мира...". И мгновенно, не меняясь в лице, Распутин добавил: "Не понравилась".

Это было очень смешно: не понравилась карта мира?! Но ещё и лицо Валентина Григорьевича: абсолютно отстранённое. Он, вроде, здесь, и его нет.

Валентин Распутин – писатель притчи. Глобального образа. Но при этом юмор-то у него какой: вот помирает старуха, товарка (подруга) приходит, которая тоже уже туда собирается, – и сколь смеха, иронии. Мудрости.

Произведения Валентина Распутина имеют совершенную форму. Вот и умер он, не дотянув несколько часов до своего дня рождения: будто и здесь соблюдал сюжетный размер: завершил последний срок и также в срок начал отсчёт нового рождения в нетленной жизни художника.

Владимир КАРПОВ

**ПОДПИСКА НА ГАЗЕТУ
"ДЕНЬ ЛИТЕРАТУРЫ"
ОБЪЕДИНЕННЫЙ КАТАЛОГ
"ГАЗЕТЫ И ЖУРНАЛЫ РОССИИ..."
ИНДЕКС: 26260.
ИНТЕРНЕТ: denlit.ru**

И Н Ф О Р М Б Ю Р О

ПАМЯТИ ВАЛЕНТИНА РАСПУТИНА

*Что он успел в своей эпохе зыбкой?
На правде не споткнуться никогда.
Печаль под редкой сохранит улыбку.
Не перейти черту меж "нет" и "да".*

Да – Сергею, России; нет – орде,
А посреди – упрямая Непрядва.
Русь никогда не победит неправда
В любой победе и в любой беде.

Успел সভазны жизни встретит стоя,
Отринуть перестроенную бредь.
За подвиг получить звезду Героя,
Но на пиджак ни разу не надеть.

И наконец, когда пришла пора
Остановить движенье мотора,
Успел сказать Москве: "Прощай, Матэра!",
Шепнуть Иркутску: "Здравствуй, Ангара"
Юрий КЛЮЧНИКОВ

В августе 1990 года я во второй раз по-
пал на Байкал, благодаря капитану мо-
торно-парусного судна "Бабр", иркутскому
писателю Валерию Нефедьеву. Той осенью
Байкал был словно натянутый шелк – ни колы-
ханья, ни ряби.

Встречу мы с капитаном Нефедьевым празд-
новали рядом с пристанью села Гремячинск,
там, где в Байкал впадает одна из сотен его
речек – Кика. Мы сидели на берегу Усть-Кики,
жгли костерок, и Валерий объяснил мне, что
такое состояние Байкала называется "Байкаль-
ский лоск", и оно редкое. И чтобы я покрепче
его запомнил, пообещал: на обратном пути мы
заглянем к Валентину Распутину.

Валентин Григорьевич с первых своих книг –
"Деньги для Марии", "Последний срок", "Живи и
помни" встал для нас в ряд самых любимых пи-
сателей. Вот, оказывается, и при суровой со-
ветской цензуре можно писать, руководствуясь
исключительно совестью!

Я, конечно, вцепился в это Валерино обеща-
ние. Посетив Баргузинский и Червыкский за-
ливы, побывав на Ушканьих островах, на Оль-
хоне и в Малом море, мы стремились к Ангаре,
на встречу с Валентином Распутиным.

По берегам Ангары десятки дачных поселков,
и найти его оказалось непросто. Не потому,
что его не знали, напротив. Его – депутата
Верховного совета, советника президента по
делам культуры – знали, но оберегали от по-

сетителей праздных, докучливых и враждеб-
ных.

Однако наше моторно-парусное судно
"Бабр" и мы, бородастые его матросы, внушили,
наверное, доверие. Где-то в первом часу ночи
мы вошли в залив, на берегу которого стояла
дача Распутина. Она была совсем рядом, и не-
сколько окон в ней светились, но Валерий всё-
таки решил ждать утра.

И действительно, пришли тяжёлые годы.
Стало немодным и стыдным – любить Родину.

НЕВОЗВРАТНАЯ ПОТЕРЯ

А утром Валентин Григорьевич сам нас раз-
будил, когда ещё туман не сдёрнуло с ангар-
ской воды. Валерия он знал, они обнялись, а я
был представлен. Его, оказывается, заинтере-
совал, наш корабль, вот и пришёл взглянуть на
него вблизи:

– Русскому писателю только дай повод вы-
лезти из-за стола, он и рад, – ответил Вален-
тин Григорьевич на наши извинения по поводу

тановить, и нужно готовиться к тяжёлым вре-
менам. Но как хорошие матросы борются за
живучесть корабля до последнего, так и нам
нужно выполнять свой долг каждому на своём
месте. Много говорили о Байкале, о нерпах, ко-
торые гибнут, об особенностях живописным его
берегам...

И действительно, пришли тяжёлые годы.
Стало немодным и стыдным – любить Родину.

Некий чиновник, дорвавшись до вожжей управ-
ления, нашим сверхдемократическим телеви-
дением, торжественно поклялся, что не допу-
стит к ТВ-каналам "всех этих деревенщиков". То
есть почвечников, государственных, патриот-
тов. И не допуская, держал слово...

Валентин Григорьевич умер 15 марта. В
день, когда Крым праздновал годовщину треть-
его присоединения своего к России. И телека-

налы вещали об этом событии, и о жизненном
пути верного сына Сибири, Байкала и Ангары,
писателя-деревенщика Валентина Распутина.
Царство ему Небесное!
Значит, что-то изменилось, значит, некий чи-
новник сгинул в речку Неть. Дай-то Бог!
Владимир ОДНОРАЛОВ
На снимке: Валентин Распутин, Николай Ска-
тов, Игорь Янин

...Совершаем очередной перелёт, про- ходим таможенный контроль. По ошибке Олег Бавыкин не сдал в багаж несколько бутылок русской водки, которые вез вместе с чёрным русским хлебушком из Москвы в наше Посольство в Китае. Оставил эти злослучные бутылки в ручную кладь. Подходит к контролю Валентин Григорьевич: "Вас знают, у вас не от- нимут". Проходим контроль – водку, конечно, изъяли, несмотря на вычурный английский язык Олега Бавыкина. Бутылки таможенники поста- вили на столик в углу помещения, вдали от па- ссажиров. Валентин Григорьевич снял ботинки, ремень, всё сложил на конвейер, прошёл кон- троль, стал обустраивать на той стороне. Мы ещё на этой. Смотрим: он берёт с конвейера свою полупустую дерматиновую сумку, подходит к столику с бутылками и прямо под носом у кита- йских контролёров начинает медленно и уверен- но складывать эти бутылки обратно в сумку. Один китаец что-то воскликнул, второй замер, третий вовсе онемел. Так они и простояли в по- чётном карауле рядом с нашим гением, почему- то не посмев помешать ему. Мы тоже, кстати, оторопели. Пройдя контроль догнали его, воло- ковым тяжёлым водочному поклажу на пле- че. Все галдят: "Как смел! Как же вы так не по- боялись забрать водку, ведь она была кон- фискована!". Я позди помираю, согнувшись от хохота, пытаюсь не смеяться, чтобы расслы- шать ответ, но смех разобрал такой, что услы- шала только самый хвостик: "А разве нельзя было забрать?".

Ведь Валентин Григорьевич не слушал разго-
вор Бавыкина с таможенниками на английском.

Китайцы несколько растеряны по поводу по-
ложения дел в современной русской литерату-
ре. Понятие "современная русская литература"
изменилось в их чутком восприятии, и героя, на
которого можно было равняться при написании
идеологически выстроенного литературного
произведения, им теперь найти трудно.

Им трудно и нам трудно. В бурном, мутном
потоке современной русскоязычной книгопро-
дукции чего только нет, кроме героев. Да и есть
ли они в жизни, на земле? Китайцы более 20
лет переводят В.Г. Распутина. На встрече со
студентами Шанхайского университета студен-
ты-русисты устроили настоящий праздничный
концерт, с русскими песнями и танцами, читали
на русском и китайском стихи классиков, отрыв-
ки из прозы Распутина.

Валентин Григорьевич – удивительный чело-

век. Он почти всегда молчит, а когда выступает,
говорит сложно, но очень мудро, красиво. Фра-
зы его похожи на тонкие деревца с пышными
кронами, в которых трудно пересчитать и пере-
числить все веточки и листики нашему переводчи-
ку Андрею. Смуглые щеки Андрея становятся
пунцовыми, он переводит эмоционально, стара-
тельно, и картина получается необыч- новен-
ная: сдержанный, немного равнодушный голос
Распутина и восторженный, энергичный, зар-
яженный открывшимся сходу истинным перевод
Андрея. Андрей отражает то, что скрывает за
своим мудрым спокойствием Валентин Григорь-
евич. Андрей боготворит Распутина.

Едем с Русского кладбища в Харбине. Нас
обещали завезти на шелковую фабрику. Все
под впечатлением посещения: русские имена и
фамилии, человеческие судьбы – счастливые и
несчастные, встреча с потомками русских (одну
из могил убрали две старухи, мы долго разго-
варивали с ними на русском языке), закрытая
православная часовня... На сердце и светло и
очень тяжело одновременно...

Садимся в автобус. Все молчат. Един-
ственным лекарством может стать покупка шел-
ковых кофточек и шарфов. Женщины никогда не
отходят далеко от своего природного начала.
– Теперь мы едем на шелковую фабрику? –
спрашиваю я одновременно всех и слышу от
Валентина Григорьевича:

– Нет. Ни в коем случае.
Он сидит впереди меня. Я заглядываю через
его плечо:

– Не едем?
– Нет, конечно. После кладбища как можно
думать о мирском, о покупках и развлечениях?

– Почему же о мирском? – забеспокоилась я.
– Эта поездка была запланирована!

– Не положено, – не соглашается Валентин
Григорьевич. – Обычай у нас такой, Лена.

Никто не спорит. Распутин – классик. Я с 8
класса писала сочинения по его произведениям.
Начинаю доказывать, но Валентин Григорьевич
неумолим. Нет и всё.

– А тогда не пойдём и на банкет! Зачем мы
будем на банкетах думать о мирском? – И слё-
зы навернулись всё же на глаза.

Валентин Григорьевич понял, что я ослабла
духом в этой трудной поездке, оборачивается
через плечо и улыбается тихо:

– Лена, я валяю дурака...
Елена РОДЧЕНКОВА
(Из статьи "Китай: в поисках героя".
Полностью – на нашем сайте.)

УРАЛЬСКАЯ ЛИТЕРАТУРНАЯ

В международный день писателя в
Екатеринбурге прошла торжественная
церемония вручения Литературной пре-
мии Уральского федерального округа.

Приветствуя участников, полномочный
представитель президента РФ в УрФО
Игорь Холманских сказал, что это знако-
вое событие в культурной жизни округа.
"Для мастеров слова премия стала свое-
образным знаком качества, и дело не
только в художественных достоинствах
произведений, принадлежащих перу её
лауреатов. Не менее важен общий уро-
вень соискателей премии. Он убедительно
свидетельствует: у нас живы лучшие
традиции русской литературы", – отме-
тил полпред.

По его словам, нынешняя церемония
наполнена особым смыслом и содержа-
нием, поскольку своим указом глава го-
сударства объявил 2015 год Годом литера-
туры. "Кому-то может показаться, что
сейчас не до литературного творчества.
России брошен серьёзный вызов, на кар-
ту поставлена самостоятельность стра-
ны, её достоинство и будущее. Однако
наша мощь определяется не только при-
родными ресурсами, технологиями и во-
енным потенциалом. Главной для России
всегда была сила духа. Именно она по-
могла стране выживать и побеждать в
самых невероятных условиях. Основой
духовности и культуры в нашем Отече-
стве исторически является литература.
Она фактически сформировала наци-
ональное самосознание и русский язык",
– подчеркнул Игорь Холманских.

Сопредседатель жюри, координатор
Ассоциации писателей Урала Александр
Кердан отметил, что за годы существова-
ния премии её авторитет в литературном
сообществе возрос не только в уральском
регионе, но и в России. Это выражается и
в расширении географии претендентов на
премию, и в росте качества представляе-
мых на премию работ. Ещё ни разу за че-
тырёхлетнюю историю премии не выдвигал-
ось на неё такого количества автори-
тетных писателей, среди которых
живые классики Виктор Потанин, Майя
Никулина, Анна Неркаги и др. Кроме того,
премия становится настоящим трампли-
ном для популяризации творчества ав-
торов, живущих в регионе и, как правило,
предваряет другие, ещё более значимые
литературные награды. Например, лауре-
ат позлауровского года Арсен Титов в
2014-м стал лауреатом премии "Ясная по-
ляна". Или Анна Неркаги, которая сейчас
претендует на нобелевскую премию.

Так же среди соискателей награды бы-
ли представлены писатели всех возра-
стов. "А это значит, что у уральской ли-
тературы есть будущее", – подытожил
Кердан. Его поддержал член жюри пре-
мии, доктор филологии, профессор
Уральского федерального университета
Леонид Быков: "Достойных номинантов
очень много, было желание присудить
больше премий, в связи с этим основ-
ные номинации пришлось поделить меж-
ду двумя авторами. Так номинация "По-
эзия" поделится между собой екатерин-
бургенка Майя Никулина и поэт из по-
сёлка Арти Свердловской области Татья-
на Кулепова. Лучшими в "Прозе" стали
Анна Неркаги из Салехарда с повестью
"Молчание" и курганский писатель Вик-
тор Потанин с книгой "Последние дни
Лета" и повестью "Доченька".

В номинации "Публицистика и краеве-
дение" награду получила книга екатерин-
бургского искусствоведа Натальи Кирил-
ловны "Кино Урала: от прошлого к буду-
щему". В этой же номинации лауреатом
стал писатель из Тюмени Аркадий Захар-
ов с книгой краеведения "На неведомых
дорожках" (на фото выше).
Александр БОРИСОВ

ХРОНИКА ПИСАТЕЛЬСКОЙ ЖИЗНИ

Альманаху "ГОСТИНЫЙ ДВОР" – 20 лет

В русских старинных городах, как
правило, есть Гостиные Дворы, если
до них не добрались в своё время
"улучшатели" всего русского и "перестро-
йщики" во имя перестроек как тако-
вых. Оренбург исключения в этом ряду
не составляет. В нём разном несколько
таких Дворов – в самом центре города,
ещё один в районе улицы Гостинод-
ворской (ныне – Кирова) и Телеграф-
ного переулка. Роскошный Караван-са-
ры и Меновой Двор за Уралом на так
называемой Бухарской стороне, пред-
назначившийся в своё время для тор-
говли с азиатскими. Он-то и стал жер-
твой "улучшателей" и "стирателей с
лица земли" всего, что связано с "про-
клятым" прошлым.

Но мы не о местах торговли. И не об
архитектурных достоинствах города,
призванного по заветам Петра Велико-
го стать "ключом и вратами" к странам
полуденным. Мы о литературно-худо-
жественном и общественно-политическом
альманахе "Гостинный Двор", кото-
рому в этом году исполняется
двадцать лет. Когда в далёком уже
1995 году обговаривалась концепция и
название альманаха, удалось убедить
Игоря Бехтерева – первого редактора
альманаха в неизбежности и законо-
мерности такого названия. Дело, ко-
нечно же, не в топонимической привяз-
ке, но в самой концепции издания,
изначально нацеленного распахивать
призывно двери гостям, несущим сво-
им творчеством добро и любовь к Ро-
дине и, говоря словами Пушкина, к
"отеческим гробам". Это, кстати, вполне
соответствует внешней политике
Оренбурга и Оренбуржья, расположенно-
го на границе Европы и Азии. Образ
Гостиного Двора и стал концептуаль-
ной основой издания.

Творческие предпосылки для аль-
манаха были. В прежние, советские
времена долгие годы собственного из-
дательства, выпускающего книги мест-
ных авторов, в городе не было. Суще-
ствовал закуточек – филиал челя-
бинского издательства. Обслуживал
он, в основном, нужды отдела агита-
ции и пропаганды обкома партии.
Крайне редко, буквально несколько зыбу,
выскапывали в свет книги оренбургских
авторов. Иногда в двух местных газет-
тах возникали литстраницы. Но рабо-
тало уже тогда литобъединение им.
Мусы Джалиля под руководством Ген-

надия Хомутова. Нарождались, стано-
вились на крыло поэты и писатели в
маленьких городах и сёлах области.
Литературная жизнь кипела и срывала
крышку плотно закрытого котла. Неко-
торые из тогдашних молодых уезжали
счастью попытаться в столицу и уже не
возвращались. Среди них Надежда
Красникова, Иван Уханов, Геннадий
Красников, Александр Стручков, Евге-
ний Курдаков, Алексей Иванов-Ога-

рыш, Диана Кан, Алексей Саморядов,
Валентина Ерофеева и другие... А
многие ломались, бросали писания,
уходили в жизнь иную...

Меж тем, в Оренбурге завелась ещё
до революционных потрясений слава
традиция периодики – "Учёные за-
писки Архивной комиссии" – собрание
краеведческих, а также исторических
исследований. Потому и во вновь уч-
реждаемом альманахе сразу же возни-
кло и укрепилось направление исто-
рико-архивное, краеведческое. У
истоков альманаха стоял тогдашний
"главный писатель" Николай Корсунов,
известный русский прозаик Пётр Крас-
нов, исторический романист Влади-
слав Бахревский, поэты Павел Рыков,
Юрий Орябинский, детский писатель
Владимир Одноралов и другие. Сло-
вом, все, кто активно работал и хотел
публиковаться. Доброе слово следует
сказать и о Владимире Елагине – тог-
дашнем губернаторе области, сумев-
шем выкроить в период лихолетья
денеги на издание альманаха и даже,
в последствии, по настойчивому хо-
дательству коллег, на квартиру главному
редактору Игорю Бехтереву. Рождение
нового издания заметили и в "Большо-
м" Союзе писателей России, и благо-
склонно кивнули головой с высоты
крыльца Дома на Комсомольском про-
спекте. Люди начали публиковаться и
даже (!) получать гонорары, многие до
этого момента и не знали, что подоб-
ное возможно.

Описывать все эти годы – занятие
возможное, но по определению много-
словное. Поэтому поумерим летописа-
тельский пыл. Скажем только, что ре-
дактор у альманаха в 2008 году
сменился. Сегодня над его выпуском
успешно трудится Наталья Коженико-
ва – известная оренбургская поэтесса,
член Союза писателей России. Альма-
нах открыт и перед авторами орен-

буржцами, и перед уважаемыми гостя-
ми. На его страницах можно встретить
и воронежцев, и сибиряков, и израиль-
тян, и москвичей, и белорусов, и сосе-
дей из Казахстана. Это люди именитые
и только обретающие известность
среди читателей. Назову некоторых:
Анатолий Аврутин – замечательный
поэт из Белоруссии, москвичка Надеж-
да Кондакова, не забывающая начало
своих поэтических опытов в оренбург-

ЖИЗНЬ ЖУРНАЛОВ

ском литобъединении. Здесь же вам
повстречаются Владислав Бахревский,
Иван Уханов, Юрий Бондарев, Алек-

сандр Филиппов. Мы рады произведе-
ниям Светланы Замлеловой – писате-
ля, руководителя сайта "Камертон".
Александр Стручков на страницах аль-
манаха "проинтервьюировал" самого
Александра Пушкина. Оренбургский
тележурналист Андрей Федосов поде-
лился своими впечатлениями о посе-
щении Святой горы Афон, а рядом по-
мещена ярчайшая проза Александра
Якимова – потомственного лица
казака, живущего в Уральске, члена
оренбургской писательской организа-
ции. Ян Бруштейн из Иваново, Марина
Саввиних из Красноярска, Ефим Га-
мер из Иерусалима – все в гостях к нам.
Редакция свободна от сектантского
подхода, и потому в альманахе при-

ветствуют и публикации коллег из
Союза российских писателей – свиде-
тельством тому поэма о чудотворной
иконе Табынской Италія Молчанова.
Продолжается историко-краеведчес-
кая линия. Валерий Кузнецов предло-
жил читателям серию исследований о
писателях-классиках, связанных с
Оренбуржьем. Галина Матвиевская –
доктор математических наук, член
СПР, опубликовала результаты своих
"раскопок" о первой в России дипломи-
рованной женщине – враче Варваре
Кашеваровой. Сенсационны воспомина-
ния первого губернатора Оренбург-
ского края Ивана Неплюева – "птенца
гнезда Петрова", гардемарина, отпра-
вленного государём овладевать навига-
ционной наукой в Голландию, Венецию
и Испанию. Не менее интересны мате-
риалы, публикующиеся в разделе
"Народные мемуары". В последних но-
мерах расположились воспоминания
Григория Шварца и Семёна Кашинце-
ва, "сынов беспопощающего века".

Постоянно публикуются в альманахе
молодые авторы. Из недавних – можно
вспомнить Дарью Панину, Татьяну Ан-
тоненко, Полину Пороль, Наталью Бо-
рисову, Анастасию Николаеву, Алек-
сандра Москвина, объединившихся в
нашем Доме литераторов им. С.Т. Ак-
сакова в сообщество молодых литера-
торов "Свиток". Для молодых поэтов
учреждена (совместно с мезенатом –
депутатом областного законодательно-
го собрания Владимиром Кидановым)
литературная премия "Чаща Бытия".

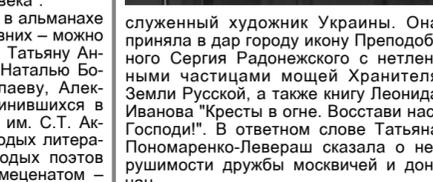
Невозможно в короткой статье дать
более подробный и развернутый обзор
хотя бы тех четырёх номеров альмана-
ха, увидевших свет в 2014 году. Не го-
воря обо всех 47 номерах. Но вы мо-
жете присоединиться к тем 140 тыся-
чам читателей, которые читают альма-
нах на его сайте. Найти просто; набери-
те в поисковике "Гостинный Двор" и
пред вами альманах гостеприимно
распахнёт свои страницы. Там же мож-
но увидеть и пилотный вариант перво-
го детского журнала "Гостинный Дво-
рик", представляемый редактором
Юлией Стрельниковой. Альманах в по-
следние годы запрашивают библиотеки
Slavonic and East Eur Collections
British Library (Лондон), Kubon and Sager
Buchexport-Import GmbH Selbstver-
zollung (Мюнхен), Slavic Cataloging
Team University of Pittsburgh Libraries
(США). И этим можно не только удив-
ляться, но и гордиться!

Павел РЫКОВ

"МЫ С ТОБОЮ, ДОНБАСС!"

4 марта в зале общественного дви-
жения "Русский лад" состоялся лите-
ратурно-музыкальный вечер "Мы с то-
бой, Донбасс!". Перед собравшимися
выступили представители Донецкого и
Луганского землячества Пётр Акаёмов
и Сергей Разин, а также председатель
Всеукраинского совета землячества в
Москве Николай Лях.

На вечере присутствовала супруга
первого заместителя мэра Донецка
Татьяна Пономаренко-Левещарш, за-

служенный художник Украины. Она
приняла в дар городу икону Преподо-
бного Сергия Радонежского с нетлен-
ными частицами мощей Хранителя
Земли Русской, а также книгу Леонида
Иванова "Кресты в огне. Восстали нас,
Господи!". В ответном слове Татьяна
Пономаренко-Левещарш сказала о не-
уничтожимой дружбе москвичей и дон-
чан.

В исполнении хора "Светоч" (худож-
ственный руководитель Светлана
Мирошниценко) прозвучали духовные
песнопения и русские народные пес-
ни. Композиция "Я люблю тебя, Рос-
сия" на слова Михаила Ножкина вы-
звала живой отклик зрителей.

С горячим словом к собравшимся
обратился известный русский писа-
тель, зав. отделом поэзии журнала
"Наш современник" Сергей Куняев. Он
недавно побывал в Луганске и видел
своими глазами последствия каратель-
ных операций киевских властей.
"Народ непобедим. Новороссию –
быть", – так закончил своё выступле-
ние один из ведущих патриотических
писателей России.

Стихи о защитниках Донбасса про-
читал главный редактор журнала "Мо-
лодая гвардия" известный поэт Вале-
рий Хатюшин. А редактор газеты
"Пионерская правда" Олег Куманов
рассказал о том, как юные москвичи
участвуют в акциях помощи детям До-
нецка.

На вечере состоялась премьера
песни на слова Сергея Короткова "Жи-
ви, Моторола, живи!". Песня прозвуча-
ла в исполнении автора музыки Вла-
димира Минеева. Со своими новыми
песнями выступил участник боевых
действий на Донбассе Михаил Усти-
нов. О днях и ночах сражений расска-
зал всем собравшимся ополченец
ЛНР Олег Кунцов.

Ведущие вечера поэты Сергей Ко-
ротков и Елена Сапрыкина представили
свои новые стихи о борьбе опол-
ченцев Донбасса за свою землю.

Люди долго не расходились после
окончания вечера. Собравшиеся в
этом зале москвичи всем сердцем со-
чувствовали жителям Донбасса. И по-
тому верилось, что никому нас в этом
нерушимом единстве не одолеть.
Иван СЕРГЕЕВ
На снимке: вручение иконы Преподо-
бного Сергия Радонежского с нетлен-
ными частицами из Троице-Сергиевой Па-
лыры представителю Донбасса Татьяне
Пономаренко-Левещарш.

Два дня (19-20 февраля) в Институте
мировой литературы имени А.М. Горь-
кого РАН проходила девятая конферен-
ция, посвящённая творчеству Юрия
Кузнецова. Одиннадцать с лишним лет
спустя его безвременного ухода на неё
собралась люди, которым не безраз-
лична судьба России и её выдающего-
ся поэта. По настроению большинства
выступлений можно решительно ска-
зать: память об этом человеке не толь-
ко жива, но становится более отчётли-
вой, всё яснее его влияние на литера-
турный процесс, тем более что тема
нынешних дискуссий была сформулиро-
вана как "Юрий Кузнецов и русская
поэзия XX века".

Хочу напомнить: ещё на конферен-
ции 2007 года автору этих слов дове-
лось завести разговор о влиянии лич-
ности и наследия Юрия Кузнецова на
современных русских поэтов. В тогдаш-
нем докладе отмечалось, что аполоте-
ты и продолжатели кузнецовской тра-
диции, испытывая мощное воздействие
лидера, сохраняют всё же самобыт-
ность, тогда как подражатели Иосифу
Бродскому выглядят вторично и неса-

мостоятельно.
Тон общей беседы зададо приветст-
венное слово заместителя директора

ПОЭТ БУДУЩЕГО

ИМЛИ Алексея Чагина. Он чётко и без
аффектации обозначил сегодняшнее
значение для нас фигуры Юрия Поли-
карповича. Потом поэт, главный редак-
тор "Нашего современника" Станислав
Куняев рассказал об откликах на свою
книжку "И бездны мрачной на краю".
Об опубликованных в его журнале. На бес-
крыйных просторах нашей Родины на-
шлись люди, темпераментно откликнув-
шиеся на эту книгу о личности и роли
Юрия Кузнецова.

выступлений творчество поэта было со-
ставлено с творчеством Георгия Ива-
нова (Марина Гах), Иосифа Бродского

(Полина Жукова), Николая Тряпкина
(Татьяна Хрипунова). В итоге ни у кого
не осталось ни тени сомнения в том,
что поэзия Кузнецова отчётливо коррес-
пондируется с сочинениями многих са-
мых разноплановых авторов.

Как обычно, с эмоциональными ак-
центами озвучили свои доклады пи-
сатели Владимир Бондаренко, Андрей
Воронцов, Сергей Казначеев, Светлана
Леонтьева. Наибольший вклад в те-
чение двухдневных дискуссий внёс ли-
тературовед Сергей Нельсон, сделав-
ший несколько самостоятельных
сообщений и огласивший тезисы своих
учеников из Белоруссии, Китая и Япо-
нии, которые не смогли прибыть на кон-
ференцию.

Как обычно, свежую струю в обсу-
ждение внесли молодые специалисты:
Евгений Богачков, Денис Ступников,

Анастасия Чернова.

Предварительно тема будущих науч-
но-практических штудий заявлена так:
"Образ будущего в творчестве Юрия
Кузнецова". Как кажется, разговор обе-
щает быть злободневным и максима-
льно широким, так как поэт воспринимал
прошлое, настоящее и будущее как
векторы, сходящиеся в одной точке.

И с трибуны конференции, и в его ку-
луарах не раз звучала одна и та же
идея. В отличие от многих ушедших от
нас писателей, творчество Юрия Кузнецова
с годами не тускнеет, а сверкает
вс

ПОЛЕМИКА

ПОДПИСКА НА ГАЗЕТУ
"ДЕНЬ ЛИТЕРАТУРЫ"
ОБЪЕДИНЕННЫЙ КАТАЛОГ
"ГАЗЕТЫ И ЖУРНАЛЫ РОССИИ..."
ИНДЕКС: 26260.
ИНТЕРНЕТ: denlit.ru

Зима нынче, в 2015-м, выдалась особенная. Нам уже стало не привыкать, когда в декабре, январе или феврале приходит "весна" — росы, метель, дожди и сопутствующий им грипп. Но такой погоды, как в этом

Да и что сейчас постоянное? И рубль скачет, как погода. Только вот цены неуклонно растут, и складывающийся из сверхприбыли от этих цен капитал так же неуклонно утекает, подобно крови, из тела экономики нашей страны. Что-то ведь должно быть неуклонно стабильным на фоне всеобщей нестабильности. Вот и мигранты несутся туда-сюда: то к нам, то от нас — но в последнее время больше от нас. Сейчас, когда рубль упал до невозможности, им стало менее выгодно работать в России.

Всё как-то не так... Вот лет тридцать пять тому назад и погода была классической: январь — мороз и солнце, февраль — метель, март — потепление; и рубль был крепким, и все люди жили по своим, Богом данным местам.

Ныне и в доме-то своём не знаешь кто, откуда и зачем. Да и что там говорить о приезжих, если зачастую и соседи друг с другом знаясь перестают. Вот какие времена наступили. А ведь как раньше дружили! Семьями отмечали праздники, совместно справляли свадьбы и помогали друг другу в тяжёлых жизненных обстоятельствах.

Вот так и народы бывшего Советского Союза дружно жили. Нужно сказать, что проживавшие и теперь живущие на территории бывшей Российской империи, СССР и нынешней Российской Федерации с Ближним Зарубежом народы и народности всегда тянулись к русским. Это, наверное, объясняется той ролью — не колонизационной, а цивилизационной, — которую играла Россия в их судьбе. Да, русские присоединяли к своей империи земли, но как бережно и с каким уважением относились к культуре и верованиям местного населения.

Наиболее полно это выразилось в советское время. Порой, даже в ущерб себе, Россия поддерживала национальные республики. Так в Литве, Украине, Латвии, Белоруссии, Грузии и Армении жизненный уровень населения был выше, чем в ней самой.

И в трудные времена, как, например, после землетрясения в Ташкенте (Узбекистан) 26 апреля 1966 года, Спитаке (Армения) 7 декабря 1988 года и в случаях других бедствий в различных районах СССР, именно Российской Федерация брала на себя основную груз финансовых и экономических расходов по восстановлению инфраструктуры и помощи людям, и больше всего добровольцев, участвовавших в устранении разрушений, было из России.

Однако всё это не нравилось "товарищам волкам", обложившим нас дом. Огромные пространства, богатые ресурсами и возможной дешёвой рабочей силой, издавна привлекали многих. Поэтому Советский Союз вначале был ослаблен, а затем и развален. Ведь если продолжать проводить аналогию с хищником, гораздо проще, удобнее и легче пожирать оторванные куски, чем единое крепкое тело. Так обстоят дела с Грузией и Молдавией, но более и страшнее всего с Украиной. То же планируется сделать с Россией, и для этого используются разные методы и приёмы. Среди многих таких направлений деятельности есть и неуправляемая миграция, о которой нужно не просто говорить, но кричать. Тем более что естественное расширение Евразийского Союза — само по себе хорошее дело — приведёт к ещё большому притоку людей из стран-членов уже на законных основаниях.

Практика показывает, что мигранты из исламских стран (а есть ещё мигранты из Китая, Индонезия и т.д.) не хотят, да и не могут в силу своих этнических, религиозных, языковых и антропологических различий принимать культуру и обычаи страны проживания и ассимилироваться, то есть введут себя подобно маслу в воде. Наблюдая недавно такую картину: группа среднеазиатско-гастарбайтеров, работающих на стройке, на свой религиозный праздник купили в деревне, благо она тут рядом, за стройкой, у бедной старушки козу. Представьте царящую там бедность, если за козу-кормилицу дали всего каких-то 500 рублей. Привели они эту живность в строительный цех и, помполившись аллаху, практически у всех на виду, зарезали её, сварили и съели на свой праздничный обед.

Вот и европейская действительность убедительно говорит нам о том, что даже родившиеся в стране дети мигрантов, получившие гражданство, образование, говорящие на местном языке как народном, тем не менее, живут изолированными общинами, достаточно враждебными по отношению к окружающему социуму и местному населению.

При этом в России мигранты занимают всё большее место в таких сферах жизни, как розничная торговля (на рынках, в общепите, включая рестораны, в магазинах, вплоть до сетевых), это кланы из обслуживающего персонала, менеджеров и директоров), медицина, общественный транспорт и сфера услуг.

году, ещё не было. День-два — плюсовая температура, потом несколько дней — снег и мороз до двадцати градусов, опять плюс, причем резкий, сразу на пару десятков градусов перепад!

По отношению к мигрантам порой вполне закономерен термин — "подрастившиеся гости". Ни для кого не секрет, что, не находя себя в указанных выше сферах деятельности или не удовлетворённые работой, не желая трудиться на стройке или перебиваться случайными заработками, они уходят в криминальную сферу. Дело доходит и до крайних проявлений. Не связанное никакими обязательствами, одурманенное ультра-исламской пропагандой, воспринимающее социум страны проживания как чуждый, а людей — недостойными жить, криминальное сознание некоторых мигрантов мо-

Ярослав БРАГИН Ближние наши...

жет быть способным на всё. Достаточно вспомнить преступление Илхамы Журалева, который в Ростове-на-Дону изнасиловал четырёхлетнюю девочку и, ещё живую, бросил на свалку.

Это, безусловно, достаточно редкий случай, но важно содержание сознания, которое может толкнуть на такое. И не менее важна готовность принять такое содержание. Речь идёт о том, насколько быстро из искры может разгореться пламя? Вот в чём вопрос. Горячность "южных кровей" здесь тоже значима, достаточно вспомнить беспорядки в Ясенево 22 апреля 2001 г., в Царицыно 30 октября 2001 г., в Частозерье Курганской области в мае 2002 г., в Красноармейске (Подмосковье) 7 июля 2002 г., в Нальчике (Кабардино-Балкария) в сентябре 2003 г., в Кондопоге (Карелия) 3 сентября 2006 г., в Бирюлево 13 октября 2013 г. и др.

В России в настоящее время проживает около пятнадцати миллионов людей из других стран. Эта цифра весьма приблизительна, так как большое число их находится на нелегальном положении, в которое они переходят после окончания действия визы или по истечении срока пребывания в стране.

Многие в России задаются вопросом: почему у нас столько мигрантов, есть ли в этом необходимость и почему миграция неуправляема? Будем говорить прямо: рабский труд необразованных и неквалифицированных людей выгоден бизнесу, ибо даёт максимальную прибыль. Можно по-разному относиться к Карлу Марксу, но нельзя не согласиться с одним из его высказываний: "Раз имеется в наличии достаточная прибыль, капитал становится смелым. Обеспечьте 10%, и капитал согласен на всякое применение, при 20% он становится оживлённым, при 50% положительно готов сломать себе голову, при 100% он попирает все человеческие законы, при 300% нет такого преступления, на которое он не рискнул бы, хотя бы под страхом виселицы..." (К.Маркс, "Капитал", гл.24, примечание в конце п.6. К.Маркс и Ф.Энгельс. Сочинения. 2-е изд. — Т. 23. — С. 770).

Бизнес хорошо использует ситуацию, которая сложилась в исламских государствах. Известно, что там 50% населения составляют люди до двадцати пяти лет, и обеспечить работой такое количество людей в расцвете сил так не могут. Поэтому свободная рабочая сила "течёт" туда, где на неё спрос, и не важно, что она неквалифицированная.

Бытует ложное мнение, что в силу ряда причин (называют низкую рождаемость, лень, эмиграцию и т.д.) в России не хватает рабочих рук, и потому экономическая жизнь в стране без мигрантов остановится. Да, большое количество россиян — квалифицированные специалисты и рабочие, не находя себя в рамках нашей сырьевой экономики и дикого капитализма, уезжают из России за границу на заработки или насосем, другие же занимают сугубо частной, индивидуальной деятельностью. А там, где кто-то из них и мог бы работать, их заменяют на готовых делать то же самое за в разы меньшие деньги. Таким образом, бизнес присваивает большую часть фонда заработной платы и экономит на социальных выплатах. Выгодно это и коррупционированному чиновнику, незаконно легализующим мигрантов. Всё это ведёт к энтропии квалифицированного рабочего потенциала России.

Справедливости ради следует сказать, что ввоз дешёвой рабочей силы был организован через межправительственные соглашения в середине 90-х годов и не без коррупционной составляющей. Кроме того, тогдашняя власть была заинтересована в перенаправлении энергии социального протеста в сферу международных конфликтов, а для этого нужна была масса мигрантов. И мы сейчас отчасти являемся заложниками такого решения.

Но есть причины и нынешние — это до сих пор ещё неуправляемая миграционная политика, недуги экономики и слабое внедрение автоматизации, механизации и компьютеризации производства. А также не следует сбрасывать со счетов влияние среднеазиатских и

кавказских наркобаронов. Читатель может подумать, что автор не любит мигрантов — представителей разных народов бывшего СССР и не только. Смею заверить — это не так. Каждый народ Земли несёт в себе неповторимую самобытность, неповторимые культурные, религиозные и ментальные особенности. Население нашей планеты подобно многоцветной ухоженной клумбе, где каждый цветок особенен и неповторим, и так всё устроено Божественным провидением, что без каждого такого цветка нет гармонии. Поэтому автор, будучи верующим человеком, знает это и с уважением и теплотой относится ко всем народам мира.

И как же больно наблюдать положение той части мигрантов, которые используются у нас в качестве рабской силы. И это в России XXI века, победившей фашизм, помогавшей полови-

не человечества освободиться от жесточайшей колониальной эксплуатации. Безусловно, речь идёт не о государстве, а о бизнесе, но тем не менее...

Достаточно посетить любую стройку, и вы увидите толпы людей чуть свет понуро бредущих на работу. Их привезли из общежития, находящегося порой за сорок километров от объекта. Они идут переодеваться в вагончики, больше напоминающие сараи. (В некоторых из них рабочие без регистрации, а также те, которым не хватило места в общежитии, даже живут.) И потом люди также уныло бредут на стройку. Настроение определяется условиями трудового дня. А он, как правило, начинается в семь утра и заканчивается в двадцать вечера, то есть, длится тринадцать часов кряду. И это, до полного возведения стен и крыши, — под открытым небом: под солнцем, дождём и ветром. И зарплата за такой труд — всего около тридцати тысяч рублей, то есть, примерно сто рублей в час. При этом охрана по три-четыре раза за день проверяет у них пропуски. Есть, правда, перерыв на обед. Но обеда, собственно, никакого нет, потому что нет столовой. Разве можно назвать обедом еду всухомятку? В лучшем случае есть возможность вскипятить воду на чай. Нет и элементарных бытовых условий: уличные (в любую погоду) биотуалеты, которые редко моются; отсутствие душевой и, зачастую, умывальников и возможности сменить и просушить рабочую одежду, промокнув под дождём (не будут же семь-восемь человек на одном обогревателе это делать), которую, к тому же, в течение всего периода стройки не стирают. Да и когда её работникам стирать, если трудятся они по шесть дней в неделю, а к концу строительства и в воскресенье, и на ночь остаются. Приедет "домой" такой рабочий в двадцать один час, умоется (в душ очередь), поужинает, полчасика посмотрит телевизор (большая возможность нет, хоть и хочется, — сон одолевает от усталости) и заснёт беспорядочным, тяжёлым сном до пяти утра. А далее всё снова по кругу...

Ни одна добрая совестливая душа не сможет без боли и сострадания смотреть на положение таких людей. А сколько их по всей стране? Но и других немало — тех, кто промышляет розничной торговлей на многочисленных рынках — тоже не сладкий труд, хотя и в более человеческих условиях, несмотря на работу практически под открытым небом (сейчас это всё, правда, переводится в павильоны), в течение тех же двенадцати-тринадцати часов и за те же, практически, деньги. Конечно, труд этот физически более лёгкий, и жильё поближе, хотя и в "резиновых" квартирах. Не забудем и тех, кто перебивается случайными заработками.

Лишь небольшая часть мигрантов — это менеджеры и хозяева, впрочем процент их такой же, как и среди всех народов. А есть и ещё одна категория приезжих. По данным Следственного комитета "в первом полугодии 2011 года каждое седьмое убийство и почти половина изнасилований в Москве совершены нелегальными мигрантами" ("Эксперт Online" совместно с журналом "Русский репортёр").

О причинах мы говорили выше. Несмотря на всё вышесказанное, в отношении мигрантов преобладают две позиции: требование принятия жёстких мер в решении их вопроса или же полное равнодушие, как сейчас принято выражаться в постмодернистской среде — полный пофигизм.

К тому же во всём, что связано с неуправляемой миграцией и её последствиями, особенно когда происходит что-то ужасное, виновными называют и самих мигрантов, и исламские государства, и ультра-исламистов, ваххабитов, ИГИЛ и пр., и пр. Да, всё это ни в коем случае не следует сбрасывать со счетов. Однако необходимо со всей ясностью понять, что главные виновники — внутри страны. Это мы с вами на всех уровнях и есть.

Достаточно послушать все наши "окопололитические" шоу по ТВ, где loudly горячатся, кричат, а порой и вовсе не слушают оппонента, чтобы ещё раз убедиться в правоте тезиса: у нас

преобладает не разумение, а эмоциональные реакции. Разумение предполагает и чувства, но никак не эмоции. Там, где царят последние, разума мало, а порой и вообще нет. Вот "воз и ныне там". То есть, на вопросы не находят ответы...

Однако есть и иной путь — не зла, глупости и равнодушия, которое тоже зло, так как при его попустительстве совершаются, как известно, самые большие злодеяния в мире, а путь добра, разума и любви. Да, да, именно любви! Этот подход заповедан нам всем Господом в Нагорной проповеди. И любой по-настоящему верующий человек знает, что только так можно преодолеть зло. Ибо любовь и есть мудрость. Только мудрым разумом можно преодолеть и тот негатив, и те опасности, которые несёт в себе неуправляемая миграция. И если мы считаем (а так оно и есть), что православная тра-

диция — основа России, то другого решения вопроса и быть не может.

А что ещё, кроме любви и уважения, мы можем испытывать к народам, с которыми мы связаны общей судьбой ("Мы в ответе за тех, кого приручили",

грационную политику, что неминуемо приведёт и к уменьшению количества мигрантов, и к другим отношениям между приезжими и местным населением, и к отсутствию "рабов" в нашем просвещённом государстве, и к устранению всех других рисков, связанных с мигрантами.

Евразийский Союз — великопеленый проект, проект XXI века, может быть реализован не только на основе экономической и финансовой кооперации государств, но, прежде всего, на гуманитарной основе — на взаимовыравнивании и позитиве, не на злопамятстве, а на добротности. Когда будет выстроен гуманитарный фундамент, общая экономика будет развиваться быстрее и будет прочнее. И в этом гуманитарном направлении большую роль играет не только правильно выстроенная, без дискриминации государств и народов, миграционная политика, но и уважение к представителям других народов, проживающих на нашей территории, к их культуре, традициям и верованиям.

Большое значение имеет и отношение самих мигрантов к народам, культуре и традициям страны их временного проживания. Всё очень и очень взаимосвязано в наше сложное время, и только с помощью Любви можно решить все вопросы, которое оно ставит перед нами.

Сент-Экзюпери: жесточайшей, тяжелой, но столь спасительно необходимой — и история это со всей очевидностью доказала — мобилизационной модернизацией 30-х годов; кровопролитной, унесшей жизни десятков миллионов людей всех национальностей Великой Отечественной войны, когда, защищая Москву и Сталинград, гибли наравне с русскими деды и прадеды современных узбеков, таджиков, киргизов, азербайджанцев и других народов Средней Азии и Кавказа. Успехи в ходе восстановления народного хозяйства после войны и дальнейшего труда невозможно представить себе без вклада всех народов и народностей великой страны. А это отцы и матери нынешних среднеазиатских и кавказцев. Всего одно поколение отделяет их, нынешних, от советского прошлого. Неужели оно будет забыто? Перефразируя, скажем: нет сердца у того, кто это всё забудет, и нет разума у того, кто не хочет будущего своего народа друзей.

Две наиважнейшие заповеди оставил нам Христос: "Возлюби Господа Бога твоего всем сердцем твоим и всею душою твоею и всем разумением твоим: сия есть первая и наибольшая заповедь; вторая же подобная ей: возлюби ближнего твоего, как самого себя". Из последней заповеди очевидно следует, что не любящий себя — не эгоистически, а как Божье дитя, то есть, Бога в себе, — не может любить и других. Каждый знает, что не уважающий себя, не может уважать и других. Так же, как любящий себя человек заботится о своём здоровье, и мы как народ должны делать всё, чтобы не "болеть", то есть освободиться от всего, что вредит нам. Но делать это нужно не путём насилия, а любовью и добром, через принятие одобренных не только представительской властью, но и обществом законов и норм, чтобы "некоторые" банкиры, бизнесмены и чиновники, которые у нас ещё "где-то и порой..." всё же имеют место быть, не могли заниматься использованием рабского труда и наживаться на этом.

Необходимо привлекать мигрантов в те регионы, где действительно требуется рабочая сила, с учётом специальности каждого. Да, из стран ЕАЭС они свободны въехать в страну, но далее — дело соответствующих органов их распределить, конечно, но без согласия человека и с нормальным человеческим обустройством. Единственно любовью и уважением к самим себе позволит нам избежать двух зол, двух болезней — экстремизма в любой форме его проявления и всеобщего равнодушия, которые, как и любой недуг, могут разрушить нас изнутри. Только такой подход поможет нам создать разумную, взвешенную, одновременно строгую и гуманную ми-

Однако следует понимать, что запоем: "Кто ударит тебя в правую щеку твою, обрати к нему и другую" (Святые Благоговестование от Мф. 5:39), не означает, что нужно предоставить злу делать всё, что он пожелает. Добро должно быть "с кулаками", то есть должно твёрдо стоять на своём: государство — исполнять свои функции, человек — стремиться к идеалу, человек — к совершенствованию. Но всё это только на основе Любви и взаимовыравнивания. Ибо отношение к человеку — мерило всех вещей. Ещё раз вернёмся к двум наиважнейшим заповедям христианства. Из них следует, что, даже применяя адекватную силу (правоохранительные органы в подавлении противоправных действий), человек, если нападает сумасшедший, маньяк, убийца, террорист или дикий зверь, защищая самого себя и других людей; организация, фирма, компания, предприниматель, ведущие конкурентную борьбу), нельзя иметь зла в своей душе к душе другого человека, пусть и преступника или злейшего врага твоего народа. Так Преподобный Сергей Радонежский благословлял Дм. Донского с воинством и монахов Перевсета и Ослябя — двух братьев из брянских бояр, опытных в сечах: "Чтоб еси, господин, так пошёл, а поможет ти Бог и Святая Богородица" на войну с Мамаем ("Эпоха Рюриковичей. От древних князей до Ивана Грозного". Дейтинченко П.Г. — М.: Олма Медиа Групп; 2008).

Неимение зла предполагает как уважение к святыням других и неприятие неуважения к таковым, так и действие против террористов-убийц в рамках закона, как это было в Беслане, на Дубровке и недавно во Франции, включая признание смерти, если нет другого выхода, не забывая о милости к побежденному и помощи человеку, людям, организациям и народам.

Поклонники "общечеловеческих ценностей", главными из которых являются: свободное конвертирование рубля и свободное же движение (то есть, утечка) капиталов, могут возмутиться: "Но ведь управляемая миграция — это ограничение свободы людей!". Здесь необходимо чётко понять, что свобода в чистом виде нигде в мире не существует, если не принимать за неё "маховичину", "пугачёвщину" и прочие волюнтаристско-всезволюнтарички, как, например, якобы право журнала "Шарли Эбдо" кощунствовать над чувствами верующих. Такое разумение основано на Божественном откровении: "И как хотите, чтобы с вами поступали люди, так и вы поступайте с ними" (Святые Благоговестование от Лк. 6:31).

И хватит теоретизировать, нужно действовать. Конечно, будут и ошибки. Но кто не ошибается, мы хорошо знаем. Только такая позиция поможет в

шени и вопроса о неуправляемой и нелегальной миграции, только такое отношение к субъектам этого процесса поможет выработать необходимые для решения действия и меры. Так постепенно уйдут и все связанные с миграцией опасности. А это — требования со стороны бизнеса и чиновников всё большего увеличения квот на мигрантов; привлечение в строительство и производство нелегалов; постоянный рост алчности российской буржуазии и коррупционного чиновничества; отсутствие эффективного санитарного контроля; прикрываемый беспорядками на межнациональной основе передел собственности и захват сфер влияния; выталкивание мигрантов из правовой сферы в сферу криминалитета и лона террористических организаций; стремление к замене русского, славянского населения на мигрантов; угроза безопасности России; трансляция бытовых отношений на отношения всей России к мигрантам; консервация безработицы и нищеты среди коренного населения России и технологической отсталости из-за дешёвизны (демпинга) рабочей силы мигрантов; уменьшение внутреннего потребительского спроса и снижение стимула для инвестирования в производство; изъятие массы денег из российской экономики из-за перевода мигрантами большей части заработной платы за границу и неплата налогов; ухудшение криминогенной обстановки; увеличение социальной и межнациональной напряжённости; использование межнациональных конфликтов для дестабилизации жизни в стране; использование антигосударственных действий; массовое переселение в Россию молодёжи из исламских государств; превращение России в мусульманско-азиатскую страну, ввиду крайне низкой рождаемости среди русского и славянского населения вообще, православного населения страны; превращение России в отстойник для мусульманских стран; создание условий для скрытия и пересидки людей из стран массовой миграции, совершивших там противоправные действия или участвовавших в антиправительственных выступлениях и межнациональных конфликтах, и приезда людей, воспитанных в русофобской традиции, ненависти к России, в духе ваххабизма и религиозной нетерпимости; сокрытие за массой мигрантов целенаправленно засылаемых в нашу страну террористов и даже целых террористических организаций, до поры до времени ждущих команду для развёртывания своей деятельности, и многое другое.

Подход, когда разделение по политическим, экономическим, цивилизационным и прочим воззрениям не подменяет собой единственное и реальное разделение, которое только и существует на самом деле, — на добро и зло, любовь и ненависть, — может позволить разрешить такие вопросы, как профессиональная подготовка мигрантов в специальных обучающих центрах; знание ими русского языка и элементарная осведомлённость ими в области культуры, истории и традиций России; целевое направление рабочей силы мигрантов на определённые стройки и производства; создание в каждом областном городе культурных центров, вокруг которых будут формироваться общины, где руководителем будет представитель данной национальности, а заместителем — русский, специалист по межнациональным отношениям, где будут решаться все вопросы: культурные, образовательные, профессиональные, трудовые, юридические, социальные, финансовой взаимопомощи, а также вопросы межнациональных и межрелигиозных отношений; разработка норм сотрудничества правоохранительных органов с мигрантами, в том числе и нелегальными; введение единой унифицированной системы контроля — электронная карта мигранта; опубликование на родине мигранта, совершившего преступление (ния), информации о нём и его деяния; силами собственного населения России создавать экономику и обихаживать территорию, данную Богом и предками.

Русская цивилизация изначально была евразийской. Более того, это — единственная евразийская цивилизация в мире, которая стояла и стоит на принципах справедливости, правды, взаимовыравнивания, солидарности и сострадания. А иначе она и не была бы таковой. И решение вопросов миграции — это ключевое решение, которое позволит состояться не только ЕАЭС, но и всей евразийской цивилизации. Без него ничего не будет, так как гуманитарные отношения между народами, гражданскими обществами и людьми — это основа, на которой могут строиться экономические и производственные связи, а не наоборот. И основа таких отношений, заповедана нам Богом Любви.

Конечно, чтобы всё пришло в норму, нужно время. Чтобы вырастить хорошее плодородное дерево, необходимо терпение, знания и труд по отношению к нему. Правильно же выращенные межнациональные отношения, в том числе и благодаря разумной регулировке миграции, станут поистине многовековым деревом, дающим всем нам прекрасные плоды любви и гармонии.

Хорошо было, когда российского президента с почётом принимали европейские лидеры. Но ещё лучше, когда ему нигде ехать не надо.

Мне нравится (говоря языком соцсетей) поворот Путина к России и поворот России к себе самой. Этот поворот уже не проглядяши. Президент больше не ездит в Орду, ему не нужен ярлык на княжение, у него есть согласие народа, к которому он пришёл.

Он не поехал маячить перед толпой с табличками "Я и есть тот самый Шарли", он не протискивался, как Нетаньяху, локотками в первый ряд для съёмки; не болтался, как средний европейский премьер, на парижских улицах. Ему не нужно плевать на Магомета. Он не Шарли, и его народ не Шарли. В России таких кощунников никто не убивает — власти летят их безумие двумя годами исправительных работ.

Европейские проблемы — дело европейцев, запутавшихся в своей слишком сложной игре. Великие лидеры США, Китая и России туда не поехали.

Путину не нужно готовить вторжение в Си-

Израэль ШАММР

Палестину, а Палестина — это сердце Востока. Путину не нужно закручивать гайки и вводить матрицу тотального контроля, как английскому премьеру и французскому президенту, — его народ его поддерживает. Ни у кого нет такой народной поддержки в сегодняшнем мире — последним был Уго Чавес.

Он не едет в Освенцим, кланяться в верности мусео-американской империи, выстроенной на приватизированных триумфах Красной Армии. Русские освободили Освенцим, спасли его узников, дали им жизнь. Русскому президенту не нужно там ничего доказывать. Пусть туда едет Яценюк — ведь русские в 1945 во-

рвали и оккупировали, по его словам, не только нацистскую Германию, но и аценоковскую Бандеровщину, не позволили папе Яценюку сгноить папу израильского премьера в Освенциме.

Пусть туда едет Бенья Коломойский, и оп-

равдывается за поддержку нацистов "Айдара" и "Азова". Пусть едут французы, отправившие в Освенцим своих евреев. Пусть туда едут американцы, прикрывающие измену бывшим союзникам. Им надо стоять и оправдываться. Русским не надо.

Если поляки и евреи не встанут и не потребуют от своих правителей привести московского повелителя, наследника своих спасителей, — туда ехать не надо.

Наконец-то России возвращается её гордость, та гордость, которую являли суровый усатый маршал, любивший "Герцеговину Флор" и его верный Мистер Нет.

Давно пора было. Больно было смотреть на Путина, поехавшего в Ирландию на встречу "восьмёрки" и в Австралию на встречу "двадцатки" — он выглядел, как русский князь в Орде, среди надменных ханов и баскаков. Те унижали его, кичились своим господством.

Но Русь окрепла, и в Орду больше не надо ездить.

Если вы спросите, когда совершился этот поворот, от долгого стояния на Угре к волюнтаризму Руси, я вам скажу. В Рождественскую ночь, когда Путин пошёл на полуночную службу — не в парадном костюме в один из великих храмов московских или питерских, не рядом с патриархом, а в глухую воронежскую деревню, одетый в простую вязаную свитер, вместе с беженцами из Луганщины он праздновал Рождество Христово.

Это было подобно венчанию с коренной глубиной России.

Это был и религиозный выбор, как тот, что совершил князь Владимир. Не культ холокос-

Путин не едет в Орду

**ПОДПИСКА НА ГАЗЕТУ
"ДЕНЬ ЛИТЕРАТУРЫ"
ОБЪЕДИНЕННЫЙ КАТАЛОГ
"ГАЗЕТЫ И ЖУРНАЛЫ РОССИИ..."**
ИНДЕКС: 26260.
ИНТЕРНЕТ: denlit.ru

КРИТИКА

Точка зрения

Перед Новым годом – 2015 (а у некоторых и с опозданием – в середине января) сразу в нескольких изданиях появилась идея подвести литературные итоги, задавая влиятельным в этой области искусства людям традиционные вопросы. Таких текстов довольно много, но самый известный появился на либеральном рупоре "Кольта", еще один заслуживающий внимания размещен в журнале "Литература". Во втором случае ситуация лучше – в журнале традиционно дают площадку разным авторам, но и там некоторые ответы вызывают оторопь.

Предлагаю посмотреть, чем запомнился

Георгий ПАНКРАТОВ

Литературный итог

(по версии этих двух изданий) ушедший год людям, определяющим литературный процесс:

– "Премии – особенно такие статусные, какой заявляет себя "Большая книга", – во всем мире имеют столь мощную политическую составляющую, что награждаются не только и не столько произведения, сколько авторы: премия "Обители" – это премия Прилепину в комплексе со всей его, не побоюсь этого слова, аджандой. Одаренность Прилепина совершенно созвучна пафосу теперешней власти, а его литературный стиль совпадает с её теперешней надрыбно-квасной тональностью. И это какое же странное искажение зрения надо иметь, чтобы не видеть, как идеально гладко главная книжная премия этого года ложится в его хронологию".

– "Победа публициста Прилепина над здравым смыслом".

– "Большим потрясением стала подпись филолога Дмитрия Бакса под письмом министра Медицинского (письмо от имени деятелей культуры авансом оправдывало все будущие действия Путина на территории Украины). Ржет слух не только нечуткость профессионального историка литературы к подобному жесту: не менее оскорбительным кажется мне подписание любых верноподданнических писем с указанием должности, которую занимает подписант. В данном случае вопрос о буквальном разделении ответственности за этот шаг встает перед каждым, кто, пусть даже на полчаса, заходит в любое из зданий музейного холдинга, который возглавляет Дмитрий Бак".

– "Российские охранительные издания сделали ставку на чудовищную примитивизацию мысли, массовая литература отреагировала незамедлительно".

– "Меня, бессорочно, печалит присуждение премии Прилепину – мрачный знак того, что <...> далеко до победы".

– "Прилепин и Шаргунов – консьонзичные чоткие пацаны (орфография оригинала, – Г.П.), которых сточливая интеллигенция, пестуя свой комплекс неполноценности перед сермяжным, посконным и дмотканым, сперва назначила в писатели земли Русской, а теперь, глядя на свершения оных големов на общественно-политической ниве, сокрушается и посылает голову пеплом".

– "До тех переполненных залов, которые собирали вечера украинской поэзии в очищенных от прокремлевских бандфор-

мирований районах Донбасса, русской поэзии, увы, еще далеко" (1 – Примеч. авт.).

– "Год был мрачнее некуда, особенно первая его половина, на которую пришелся пик великодержавной истерии".

– "Мы прощаемся с годом дурной, опереточной литературы, торжествующей на просторах "ДНР"".

– "Вообще смысл сегодня производится не в России".

Какое соревнование в демонстрации лояльности единой Украине, восславления Майдана и бурлящей ненависти к условной ДНР – при полном нежелании понимать, что, если бы во многом подобные им книголюбы и литературоведы не повеселились от души в центре Киева, так и никакой бы ДНР и близко не было. Это ж вы родили ДНР, уважаемые, с вас всё началось – к себе и претензии. Однако, не это сейчас главное.

Майдане в том числе любителями изысканной словесности, а не "косьонзичного" Прилепина, уже никогда не уберутся вон самостоятельно, а значит, всем нам предстоит жить и умирать в атмосфере ненависти совестливых и порядочных людей ко всякому подобному быдлу, то литератору, имеющему репутацию "крьмнашиста" и сторонника Новороссии, придется туго. Что в этой ситуации делать? Не предавать жизненных идеалов и помнить о некоторых особенностях литературы.

Во-первых, она является одним из многих человеческих занятий, наряду с другими, во многом более достойными. Во-вторых, литература и окололитературный мир, включающий в себя "тусовки", премии, постоянные перебранки писателей между собой, рецензии, отповеди, а то и просто веселые застольные истории, – не одно и то же, и настоящий писатель изначально будет стремиться достичь чего-то

в первом, а не во втором. Литература говорит с Вечностью, и всё, что происходит вокруг неё, в лучшем случае посредничает в этом разговоре, в худшем – препятствует, создавая эффект "испорченного телефона". Говорить от имени Вечности может любой, но именно Она выносит финальный вердикт, когда проходят годы и десятилетия, и всё расставляет по своим местам. Это единственное, что важно. И в Ней найдётся место представителям обоих лагерей, конечно же, и тем, кто "над свхаткой", – тоже.

Но можно не сомневаться, что итоги, подведенные Вечностью, будут действительно литературными – в отличие о тех, что мы прочитали выше.

Я не раз утверждал, что спор об Украине и Новороссии – вопрос вовсе не политический, это вопрос наличия у человека сердца. Писатель же – тот, у кого сердце рабочий инструмент. И проходит мимо величайшей трагедии, происходящей с современниками (пусть до поры до времени не в творчестве, но в жизни уже точно), – значит, быть оглохшим на всё сердце. Что, впрочем, не отменяет у человека таланта, но таланта в виде сухого порошка, который нечем растворить. А если есть Юри логжам, не утолщи жажды. Потому что писатель – это не только талант.

Степень искренности должна быть первой меркой оценки, утверждал Владимир Померанцев. Говоря о премированном "големи", либеральная публика намеренно игнорирует этот критерий, потому что знает – именно он и определил победу Прилепина. Сейчас популярна точка зрения, что какой-то общей литературы нет, есть несколько несообщающихся сосудов-литератур, и было бы в какой-то мере справедливо, если бы в каждой из них были свои награды, которые бы обязательно доставались и романам о дроблении России на множество мелких государств. Все подводили бы "свои" итоги и не лезли в "чужие".

Но пока этого нет, все прочитанные нами высказывания действительно стоит считать итогом: волюно или невольно литературная либеральная элита продемонстрировала свое бессердечие. Потому что, когда вокруг человеческое горе, значит, литература в принципе ничего не знает. Ваши страницы в фейсбуке, ваши подписки в нем и ваши же "лайки" – вот, собственно, главные итоги года.

Слава литературе, писателям слава!

Правда, добро и справедливость как русская национальная идея

Если круглые сутки питаться одним сахаром, можно навсегда получить отвращение ко всему сладкому. Но это не повод объявлять углеводы вне закона.

Так и с идеологией. Советская пропагандистская машина своим унылым однообразным бормотанием в итоге привела у населения отвращение к изначально прекрасной идее Светлого Будущего. Может потому, что Будущее это упорно отказывались наступать, а может потому, что было слишком эфемерным. А советскому человеку были нужны джинсы, "видик", машина.

Но вот все поголовно оделись в джинсовую униформу, обзавелись не только машинами, но и такими фантастическими девайсами, какие в годы Перестройки даже представить невозможно было. Более того – обычный работяга из Тагила получил возможность поехать на заграничный курорт и даже стал его характерным мемом. Сейчас, вроде как, кризис, но принципиально ничего не изменилось. Ведь даже в самые жирные годы в глазах наших людей нет-нет, да мелькала какая-то растерянность. Как у Михалкова-старшего: "Сижу в президиуме, а счастья нет".

Признайтесь – у каждого в глубине души присутствует ощущение, что нас где-то обманули. Запомните это ощущение. Это ключ к ответу на многие вопросы.

В какой-то момент, словно очнувшись от пьяного угара девяностых, мы бросились судорожно искать то,

Помните своё ощущение, о котором я писал выше? Оно той же природы.

Что ещё? Православие? Побойтесь Бога. Неслучайно уже в начале 20 века религию как основную стержень нации пришлось закреплять в том самом искусственном лозунге. Не говоря уж о том, что православие у нас не единственная конфессия, да и вообще у нас религия отделена от государства.

"Свобода" в либеральном понимании? Боюсь, что граждан от либеральной болтовни тошнит уже не меньше, чем от советской пропаганды.

Что же тогда? Пустота? Неужто у нас нет ничего, за что стоило бы умереть – кроме любимых полей, лесов и рек? Чего-то высшего, в чём заключается наша особая духовная сила? Чего-то такого, что течёт у нас в крови из века в век, из формации в формацию? Да и есть ли вообще такая идея?

Я бы не стал излагать всё это, если бы не увидел собственными глазами то, что видите вы сами. Не стану оригинальным: это резкий национальный подъём по поводу событий на Украине. Что случилось? Банальный национализм? Это не объяснение – ведь, казалось бы, какое нам дело до соседней страны?

Владислав ВЫСТАВНОЙ

Запомним это ощущение...

что потеряли с крахом старого режима. Идеологию или национальную идею – называйте, как угодно. И начали лепить такое, отчего стыдно смотреть телевизор "Единая Россия", соперничающая с КПРФ по степени консьонзичья и полному отсутствию полёта мысли. Про "Наших" вообще молчу. Я понимаю, что всё это художественно создаётся ради неких благих побуждений, но это ни на метр не приближает нас к пресловутой национальной идее. Скорее пародирует эту самую идею и дискредитирует власть. Почему? Да потому, что это не от души идёт, а от ума, и ума, не особо напрягшегося в познании нашего с вами менталитета.

Позвольте, спросите вы, а нужна ли вообще эта идеология? Резонный вопрос. Давайте подумаем.

Возьмём дореволюционную Россию. Известный лозунг "Православие. Самодержавие. Народность" – это ли не идеология? Видимо, в какой-то момент власти понадобилось сформулировать нечто, что превращает массы в нацию. Именно сформулировать, оформить в соответствующий эпохе "бренд" то, что существовало задолго до этого. А где же истоки этой архаичной русской идеологии? Как ни смешно – в древнем Киеве, где князь Владимир впервые взялся за создание того, что сейчас называют набившей оскомину фразой "духовные скрепы". Ведь православие, которое он привнес на нашу землю, это не просто религия – это и была центрирующая нация идеология. Которая и вела наш народ, на минуточку, тысячу лет.

Так в чём же смысл этой самой идеологии? Да в том, что ради такой идеи хочется идти вперед и создавать, осваивать Сибирь и открывать Антарктиду, лететь в космос и побеждать на Олимпийских Играх. Потому что она позволяет ощущать себя человеком, созданием особого порядка, носителем чего-то высшего, а не просто существом торообразной формы, в которое с одной стороны входит еда, а с другой выходит, сами понимаете что.

В этом смысле советская идеология ничем не хуже православной: она ведь тоже имела в виду великие и светлые цели, вроде построения того же Светлого Будущего и всеобщего счастья. Проблема советской идеологии в том, что в её основе всё-таки несколько порочная идея построения некоего бытового рая на Земле. И как только то, что обещали коммунисты, нам дали империалистические акулы – как то: джинсы, автомобили и развлечения, – коммунистическая идея несколько полекла. Не то чтобы она совсем плоха, просто наши высшие партийные руководители, как ни прискорбно, всегда были недалеким и жадным жлобём, и всерьёз думали, что народу ничего, кроме колбасы, не нужно.

А что же у наших "партнеров"? У них что, нет этих вечных вопросов? А тут уже интереснее. Возьмем Европу, активно избавляющуюся от наследия христианства. Что там за идеология? Правильно – Свобода! Точнее, доходящая до абсурда иллюзия свободы личности. Европейцы догадываются, что это всего лишь иллюзия – иначе зачем всё время судорожно доказывать свою свободу всё более и более крайними, почти чудовищными способами? Сначала скульптуры из трупов, взаимное людоедство в прямом эфире, идиотские и, кстати, не смешные карикатуры на святых, легализованные однополые браки, а теперь вот практическая евгеника – конструирование ребёнка из генов трёх "родителей". Можно подумать, будто европейцы просто сходят с ума от избытка своей "свободы". Которая с точки зрения той же классической европейской философии свободой не является вовсе.

Но Бог с вами, с европейцами. Они по большому счёту не являются нашим потенциальным противником, стало быть, их идеология лишь косвенно противостоит нам.

Наш идеологический противник – всё тот же. Да, как ни банально, это американцы. И тут надо признать: у наших заокеанских оппонентов с идеологией всё в порядке. Потому что это простая, как мир, идеология исключительности собственной нации. Американцы с их собственной точки зрения – богоизбранный народ, призванный управлять миром. И мировое господство для них – не сумасшедшая идея, а почти совершившийся факт. Трудно поспорить: это очень удобная, а главное – очень приятная идеология. Ведь знать, что ты лучше других, что у тебя право на власть над всеми прочими, – это что-то вроде наркотика. Правда, довольно опасное, что демонстрирует опыт нацистской Германии. Но американцы не понимают или не хотят этого понимать, как в своё время не понимали немцы.

И главная опасность этой идеологии для нас с вами в том, что её носители чётко разделяют мир на "хороших" и "плохих" парней. Они, естественно, "хорошие". А "плохие" – это мы с вами, если вы ещё не поняли. Они не будут сомневаться, когда получат шанс нанести удар. А мы? Что мы можем противопоставить этой мощной незамутнённости сознания молодой амбициозной нации? Коррупционированных элдровос? Или дряхлых коммунистов, которых никто уже не воспринимает всерьёз? Коммунисты могут возразить в стиле мультяшной Мясни: "В советские времена было о-о-о!".

Нет, ребята, за советскую родину стояли стеной потому, что она олицетворяла всё новое, передовое, светлое, и даже репрессии не могли подавить общее ощущение свежести, подъёма. Новые заводы, лучшие самолёты, танки, передовой кинематограф – это, извините, аргумент. Но это в прошлом.

Проблема в том, что "национальная идея" должна быть близка человеку, быть частью его сущности. В чём отличие "настоящей" идеологии от искусственной, высосанной из пальца подделки?

С такой идеей можно пойти в атаку. "За Родину!" – вот она, национальная идея в действии. Тут, правда один нюанс: в том победном кличе имелась в виду та самая Советская родина. "За демократию!" – с таким лозунгом вполне себе можно бомбить из стратосферы террористов и мелких диктаторов. Или тех, кого назначили террористами и диктаторами. А что за идея провозглашается на самом высшем уровне у нас? Сытость? Благополучие? Социальное положение? Предлагаю самого себя, издающего во врага гранату с воплем: "За бабло!".

Да, ещё тут в качестве национальной идеи преподносится борьба с коррупцией. Но уже это совсем смешно. Борьбаться надо не ради борьбы как таковой, а во имя действительно стоящей идеи. Иначе это напоминает бесконечное перемешивание дерьма лопатой вместо попыток его вычерпать. Что стоит за борцами с коррупцией, кроме зарплат и соблазна перейти на "тёмную сторону силы"? Только страх наказания.

Неужели наша национальная идея – это страх?! Разумеется, нет. А нечто неосозаемое, то, что заставляет немногих настоящих мужиков в погонах противостоят всем этим безродным оборотням. Но что это за тонкая материя такая?

О сборнике стихов Геннадия Иванова "Избранное"

Заглавием этого отзыва моего стала строчка одного из стихотворений Геннадия Иванова, которое поэт включил в сборник: *Таинственно и безбрежно Шумит мировой океан. Земля – это берег надежды, И он неслучайно нам дан.*

Мы здесь наполняемся верой, Мы здесь открываем исток. И сущим живя, не химерой, – Григорий БЛЕХМАН

Земля - это берег надежды...

Ложимся лицом на восток. Ложимся, закрыв свои вежды. Проснёмся в хорах Отца. Земля – это берег надежды. Надеюсь и верь до конца...

Когда-то мастер лаконичных определений Вадим Кожин сказал, что "произведение писателя – это рентген его души". И всякий раз, когда читаю очередную поэтическую строку Геннадия Иванова или перечитываю его сборники, вспоминаю это стихотворение и слова Кожина. Потому что для меня "рентген души" этого поэта – в его строчках: "Земля – это берег надежды. Надеюсь и верь до конца..."

В одном из своих ранних стихотворений, размышляя на тему вечного, он написал: *...Надо жить, хотя так трудно верить В лучший смысл земного бытия, Надо придти к этому берегу, Чтоб тоска развеялась твоя. Ведь уже не раз такое было: Так же сердце от неверья стыло, А потом, откуда ли возьмись, Начиналась, продолжалась жизнь.*

Каждый из нас время от времени сталкивается с таким "откуда ли возьмись", которое вдруг может развернуть твою жизнь, в очередной раз показывая её многообразие и непредсказуемость. Поэтому, когда читаешь, – такое ощущение, будто сам написал. Иногда бывает – обычный эпизод: ты плывёшь на корабле или теплоходе, смотришь на воду, о чём-то думаешь. Потом забываешь об этом. А у поэта тем временем возникают ассоциации и образы, которые обладают магией притяжения, и не отпускают его, пока не выльются в слова, которые потом не сложно забыть: *Когда погас на горизонте свет И от миров повеяло кочевьем, Я всё глядел на уходящий след При свете кормового освещения. И думал я, что жизнь, как этот след, Недолго вьётся, мчится и израет, Что чуть подальше – и его уж нет, И он в волнах бесследно исчезает. Но всё хотелось на него смотреть... Работал гинт, поток воды толкая, И нёсся след – исчезнуть, умереть, И смысл, и очертания теряя.*

такие строки Геннадия Иванова: *Торопится неохота, Жизнь так хороша! Поле, речка и болото – Любит их душа. Любит ветер, дождь и вьюгу, И тепло в избе... И лететь не надо к югу, Как скворцу, тебе.*

Насколько же поэт отличается от простого смертного: рассказывает о себе, он невольно рассказывает и о нас обо всех. Ведь, когда на душе хорошо, то хорошо везде и "неохота" что-то менять. И хочешь поделиться этим состоянием, рассказать всем и каждому, как после пережитого возникает вновь чувство, которое звучит просто и точно: "И снова – жизнь!".

Белье хлопья каштанов цветущих С розовым цветом внутри... Мыслен не надо угрюмых, гнетущих. Всё расцветает – смотри!

И одуванчиков жёлтые краски, Зелень и листья, и трав... Все они сбросили снежные маски. Всякий лужайкой – прае!

Было безумно, но мы потерпели. Вот и наградою нам Тонко, свирелью птицы запели! Сердце прильнуло к цветам! Наша весна – это Божья милость. Дивно в родной стороне. Бог не оставил – и жизнь заструилась

В реках, полях и во мне...

Казалось бы, ЧТО ещё надо, чтобы жить в гармонии с природой, частью которой являешься и ты. Но почему-то мы развиваемся так, что всё больше нарушаем её законы, не задумываясь, насколько неправомочны это делать. Жизнь тебе дарована свыше, поэтому пройди свой путь земной достойно и благодарно.

И поскольку поэты – "люди без кожи", они особенно чутки к происходящему: *Мы люди последних времён. Нам выпала доля такая: Земли и воды слышать стон, К ним собственный стон прибавляя.*

Мы люди последних времён. Споры надёжные сбitys, И катится всё под уклон. Помогу ли чьи-то молитвы?

Помогу ли наши труды? Задумано – так и случится: Рассеются наши следы, И только дымок будет виться...

Галактики гибнут, а тут Какая-то мелкая сошка – Земля; этот замысел крут, И ждать нам осталось немножко.

Но замысел есть и другой: Чтоб мы до последнего вздоха Любили бы берег земной – Неважно, какая эпоха.

Любили бы лист золотой, Любили бы снег над рекой, Полей плодородных покой, Людей, с их великой тоской...

Когда читаю стихотворения Геннадия Иванова, вижу, что каждое из них не только отражает время, в какое написано, но и уходит во вневременное пространство, благодаря глубине философских размышлений поэта.

Не случайно его изначально отметили такие известные и уважаемые в литературе люди, как Владимир Соколов, Василий Казанцев, Владимир Цыбин...

И не случайно его строчки востребованы не только сверстниками и теми, кто старше, но и ровесниками наших детей. А это показатель, к которому стремиться и о каком мечтают любой пишущий.

И объясняется эта востребованность тем, что его поэзия даже о самом горьком свете. Сколько ни пишет, свет в его строчках не меркнет. Что-то, кроме природного склада, помогает этому поэту. Может, то, о чём он сам поведал в одном из стихотворений: *Выхожу из храма. Лето под парами. Ласточки мелькают и зевают: фьюить!*

После полной службы в православном храме Умереть не страшно и не страшно жить. Всё понятно-ясно: что, куда, откуда, Как нам жить сегодня, завтра и всегда.

Если б мы так жили – вот уж было б чудо, Не было бы страха Страшного Суда. Я пошёл за город, где цветы и речка. Всё прекрасно, даже этот нежный слезы!

Нагревает воду солнечная печка, Торжествует милая временная жизнь.

Думаю, именно такая "питательная среда" даёт просветлённости его душе и позволяет Геннадию Иванову в любых обстоятельствах сохранять присутствие духа, что и отражается на поэтической интонации каждого из его стихотворений.

ПОДПИСКА НА ГАЗЕТУ "ДЕНЬ ЛИТЕРАТУРЫ" ОБЪЕДИНЕННЫЙ КАТАЛОГ "ГАЗЕТЫ И ЖУРНАЛЫ РОССИИ..." ИНДЕКС: 26260. ИНТЕРНЕТ: http://zavtra.ru/

ЧИТАТЕЛЬНЫЙ ЗАЛ

На сегодняшний день Владимир Личутин – это самый самобытный и самый национальный русский писатель. Может быть, последний хранитель древнего русского духа и слова. Думаю, Юрий Кузнецов был последним русским национальным поэтом, Владимир Личутин – последний прозаиком.

Будут и новые русские гении, уже есть, но это уже писатели иной России, иного слова, иного Духа.

Пусть он по жизни уже вроде бы глуховатый старичок, "дедушко Личуточко", как его по-доброму ласково называл Захар Прилепин, но по литературе своей, по своему слову – он такой же задорный, даже задристый, боевой, и напористый писатель. Новый роман, который он сейчас заканчивает – явное тому подтверждение. Этому неуемному романтисту никак не дашь семьдесят пять лет. Так что писателя мы и поздравляем!

Глава из романа "Наваждение"

На мосту Рахманин сбросил намокший холщевый кабат, стянул у порога сапожники, пятернёю распушил бороду и усы. Не хотел показываться перед женою в диком виде. Царь дожидался, поперёд бабки в пекло не лез, ведь шёл в чужой дом, а как там встретят – ещё загадка. Могут напугаться и с рогачом под подушки. А тут зятелько в гости, с кого есть что взять? не мясца, так пуха на шляпу...

Братцы мои, время-то какое океанное настигло – ни отщипнуть, ни отрезать, так в рот и смотрят, как бы не зачалил гость лишнего с блюда; от пристального взгляда можно куском подавиться.

У всех недостаток на столе, как в войну; вроде бы и забылось с годами лихоletье, и вдруг накатили лишения в самое мирное время. Откуда-то взялась внезапная бедность и пополнила Русь от края и до края, и потому редко кто насмелится ныне без приглашения в гости. И в подоконно не постучишь жалобно "Христа ради", уже позабыли как по кусочку с зобенькой бродить по деревне и тянуть со слезою в голосе: "И кто нас накормит-напоит, и кто нас теплом обогреет..."

И в сени не натягивало из кухни мясными щами, но пахло постным, кисловатым, пыльным, чем-то старческим шибало в нос из ближайшего шкафа, где хранится, видимо, убогий съедомый припасец. Неужели и Пиросмани по бедности (иль по старости) обходится сухой ржаной корочкой, размоченной в кипятке? Да быть того не может. Царь даже слегка приулыбался, раскился позади Рахманина, дождавшись, когда дружок расправится с мокрой оедожкой.

Рахманин, наконец-то, потянул за скобу, дверь со скрипом, лениво поддалась – наверное, разбухла от осенних дождей. Царю стало невмочь, душно сердцу, и он, нетерпеливо отиснув приятеля, шагнул в жарко нагретую избу, скользя взглядом по пустынному столу, наверное, ожидал увидеть празднично накрытую "полянчу", и сразу сник, белго озирая дом, стараясь мысленно проникнуть в каждую укромину, где бы укрывалось любимое угощенье. Рахманин, забыв закрыть дверь, застыл у порога, отыскал взглядом красный угол, твёрдо щелкая перстами, осенился крестом, возгласил:

– Мира дому сему и здравия всем ныне и присно и во веки веков!

"Опа-на, по-церковному крутит, – воскликнул при себя Царь, недоверчиво косясь на Рахманина. – Понахвальные словечки... Прежде за все им подобных приговорок не водилось. Вот и другана коснулась революция умов!"

– И тебе не кашлять, зятёк – с усмешкою в голосе отозвался хозяин. Пиросмани сутулился у печи и ковырял резцом осиновою баклушу. Смахнул с кожного фартука древесную труху, но не поднялся навстречу гостям и "лучаться" не стал. – Дверь-то прикрой. Не лезь на дворе...

Рахманин послушно притянул дверь, щепные птицы под потолком колыхнулись от сквозняка, поплыли хороводом, таща по столешне беззвучные тени. Такие же тени отразились в тёмных заводях окна, грубую напирая на стёкла, стараясь бесшумно проникнуть через невидимые коварные переграды в обжитую избу, где так вольно кружилась лебедина стая.

– Чего колупаешь, Иван Иванович?

– Птиц опристал резать... Надоело. Хотя мой товар ведае просят, только дай-подай. Хоть в Африке тебе, хоть в Китае с руками оторвут. Правда, платить жалятся. Вот дикое время настало, кругом одни скупердяи. Все дело хотят. А где душа? Разве такое предро было, Ю-ра-а!? – вослапал Пиросмани, опустив баклушу к опечку, перешёл, по-стариковски отключив зад, к столу, с кряхтеньем опустился на табурет, ленивым движением смахнул невидимые крошки на пол. Заметно сдал хозяин, и его прибила жизнь в последние годы; усох, завялился, вот и штанишоники болтаются на мясах, как застиранная занавеска, и валяные калишки с ширканьем волочатся по полу, норовят убежать с ноги. Пропал обычный задор, лицо будто присыпано мукою, как у мельника, выцветшее, белёсое, борода неряшливо изредалась, посеклась, лишь отросшие брови щетинятся над зоркими круглыми глазами, призатеняя наивный взгляд, да непокорный нос, сседла торчком.

...Эх-ма, эти несуетные жернова всех перетрут и сыплют в перемётные сумы вечности, откуда нет исходу. Мелют и мелют...

– Садитесь, коли пришли... Чего торчать в дверях... В ногах правды нет, – сухо, почти враждебно пригласил Пиросмани, и Царь, не дожидаясь второго приглашения, прошёл в передний угол, оседлал лавку. – Туесьё крутить – силу надо и ноги, как у лоса, чтобы бегать по суськам. И вот решил сваять кощья Якунина в ступе, и бабу-ягу Новодворскую на метле. Слыхали-нет на Москве про этих чертей? Посмотрим, как дело на рынке пойдёт...

– Ведьма! – отрезал Царь. – Не она ли у тебя нынче в гостях побывала?

– Откуда знаешь?

– Своими глазами видел. В твою трубу ныр... Может, Иваныч, ты с нею то?

– Помолчал бы, трепло! Уж плакать пора, а ты всё над людьми смеёшься, – оборвал Пиросмани. – Через твой язык на деревне мою фамилию уже забыли... А ты, Юрий Михайлович, чего скажешь? Язык в роте прилип?

– Что-то Дашка не вижу...

– Дашка твою ты-ю... Уфырнула. Дай, говорит, ружьё, поеду гадов стрелять. – Пиросмани странно так подмигнул Царю и дёрнулся головою куда-то влево и назад, будто отгонял от плеча бесов. Но никто за хозяином не маячил, там на стене "гоняли балду" деревянные ходики, через каждые пять минут стукали дверцы, молча выпархивала кукушка и жадно разевала клюв.

Царя билла ледяная дрожь, озноб из бриошины подкатывал к горлу, в волосах ползали жадные мураши, казалось, насквозь прокусывали кожу. Он с трудом пересиливал дурноту, прислушивался к разговору. Рахманин перекаत्या скулы, старался понять, шутит ли тесть, иль говорит правду.

– В магазин что ли ушла?

– Да нет... Приезжал в деревню из столицы Бергман или Бровман. Говорит, немец, Думаю,

с такой солидной датой не будем, молод еще. Пусть продолжат свою чувственную "Реку любви" наш северный русский Боккаччо. Пусть книги

Т а ъ н о в и д е ю

К 75-летию Владимира Личутина

пишет. А вот нашего старого друга, нашего сотоварица и даже общего бражника Володю Личутину обязательно поздравим с настигшим его юбилеем.

13 марта Владимир Владимирович Личутину исполнилось 75 лет. Хоть и позабыли его на родном архангельском Севере, даже в губернаторском плане памятных и юбилейных дат есть, к примеру 50-летие ссылки в деревню Норенская поэта Иосифа Бродского и его 75-летие в мае 2015 года, но про коренного помора, одногодка поэту, Владимиру Личутину – ни слова. На

что яврей. Собирал старые песни. И я, дурак, пел, старался, думал заплакать... Да хер там. Они копейку считать умеют... Потом отправились по измам, и где-то стакнулись... Юра, Юра, профукал бабу.

И давно?

– Пиросмани задумался, потом стал считать, загибая пальцы.

– С утра на пятый день пошло. Моя-то дура, бывало такочи же. Сбежалась с Электроном Андреевичем, под мышку коверь хватъ – и на самолёт. В голове ветер, в норке дым. Теперь звонит, назад просится, а я ей дулю. Говорю: не вздумай приезжать, башку отсажу.

– Так и сказал? – для виду усомнился Царь, чтобы встрять в разговор и сбить в нужное русло... И просить рюмку стыдно, не бомж

"Два мира - два Шапира" Владимир ЛИЧУТИН

ведь, не рвань какая подзаборная, но и ждате – мочи нет. Коля выразительно мазнул пальцем по кадку, Пиросмани ответно подмигнул, как заговорщик.

– Ну... Чобы я да кормил старую профурсетку? Пусть лучше задавится, кикимира. – Пиросмани расшумелся, заёрзал костлявым задом по табуретке, с кривой злорадной усмешкой торжествующе считывал с лица Рахманина неприкрытое горе. – Не переживай, Юрий Михайлович. Прибегнет, куда денется. Мужики-то для баб, как липучка для мух, ага. Известное дело. Побегает и вернётся. Но скажу тебе, Юра: хоть и дочи она мне, но дай ей отлуп, и что-то навсегда. Не моей Дашка крови, какая-то от всех девок отменятая. Как есть нагулянная, волчьей породы. Кубышка, будто мотломами сбита.

Царь снова напомнил о себе, воровски мазнул пальцем по кадку. Пиросмани опаматовался, бросил загибать калачи, вить словесную канитель, устремился к запечку, тащит в охапке старинную бутылъ тёмного стекла, водрузил на стол.

– Рюмки, рюмки не забудь, – напомнил Царь.

– А лучше стаканы. Чтоб сразу вмзаться...

– Первачок-свежачок... Вчерась коровка надоила... – бормотал Пиросмани, поглаживая бутылъ, как бедро породной жаркой девки, прокручивал в уме, что подать закуской на стол. Гости, конечно, не звание, не ко времени приносло, но, опять же, если не угостить, дурная слава пойдёт, напьются мужики и худых делов натворят. – Хорошая коровка, ни сена ей не натъ, ни поила, ни стоила... Подпустил огонька – и писает: кап-кап... Юрий Михайлович, зятёк дорогой, чего ты маешься у порога, половицы считаешь, как не свой. Напьюнь на жену с высокой вышки, другую найдём. Мужик ты породный, рылом вышел баской, – напелвал Пиросмани, подмигивая Царю. – Разве на Руси мало баб? Да хоть и в нашей деревне взять. За кусок хлеба любая даст, только помани. Вон, в соседях бабка Чекалкина одна живёт, пусть и на девятом десятке, но будет шти ваприть, портки стирать. Куда с добром, чего ещё натъ?

Рахманин присел к столу, набывчившись угрюмо наблюдал, как Царь Николай с натугою, дрожжащими руками наполняет стопки, боясь промахнутья и пролить мимо. Надо было сразу уйти, да вот замешкался, прозевал время и сейчас придётся объясняться, чего-то мямлить, открывать душу, куда впускать никого не хотелось. Боже мой, влустую время-то уходит, протекает сквозь пальцы. Хозяин метался по избе, хлопал дверцами шкафов и наблюдников, но на столе закусок не прибывало.

– Садись давай, Иваныч... Хватит тебе солодиться, – торопил Царь.

– А закусьте? Скажете потом, де Иван Иванович голодом вас заморил.

– Не жрать пришли. – Царь понохал из рюмки, капли размазал по усам. – Дух-то какой. Мёртвого из могилы подымет.

– Первачок... Без закуски никак... Какая была скотинка, так всю пулюст под нож. Бывало шти из баранинки ели... А селянка, а саламата а жарково? Помнишь, Коля? А из лесу сохатинка... Опять же кабачника, золочком сала с локотъ. Зернецом кормил, макалошь выпивал. Все натуральное, полезное, без химии... Золотое было время. Советское, – вздохнул Пиросмани, замер возле печуры, вдруг забыл старый, куда пошёл.

– Закусывать, только добро зря переводить. Я, покажули, и выпью. – Царь, не дожидаясь компании, в одиночестве принял на грудь стакашек, поцеловал в доньшко, занюхал рукавом засаленной толстовки. – Беги родничок да по закоулочкам. Прочищай кишочки сыну да дочке.

– Пей, пей, золотой... Смотри, чтоб не встала колом.

Пиросмани сбродил в сени, принёс ладку с печёной рыбой, подлил водички из самовара.

– Вёшная щучка-то... Правда, теплом трюноло. С запашком, но пользителна.

Этой рыбки каждый хочет. Так на северах, какжись, говорят.

Царь, манерно оттопырив палец, принял вторую, утёр губы рукавом. Рахманин придвинул стопку, понохал и безгильно сморщился.

– Как только пьёшь такую гадость?... И ты, Иван Иванович, вроде бы при Боге живёшь, а как нехристь, – поучал Рахманин тестя. – Открыл шинок, спаиваешь добрых людей... А если в милицию заявят. Насчёт этого нынче строго.

– Кого я спаиваю, кого? Насильно в глотку вливаю? Вино – это же кровь Христова. Причистился – как снова на свет народился. Такую оно силу природную имеет. Кабыть умер и снова на свет, – оправдывался Пиросмани, но взгляд его засуетился. Боже милостивый, так мир скурился, – переживал мужик, – что везе нужны вострый глаз да чуткое ухо, чтобы не опростоловотиться. Живёшь нынче, кабыть, вольно, никаких тебе принудработ, да вот при закрытых дверях. Раньше жили кучкой, запоры не знали, а теперь врозь, но при замках и овчарках.

– Так то вино... Рейнское, романя, агорчик, там. Сладенький, как поцелуй Христа. А тут моча из нужника, – и больше ничего.

– Помолчал бы, безбожник. Не сатане ли церку-то ставишь? Хулишь напрапоалу.

– В Дедка вашего бородатого не верю, но Христу поклоняюсь. Христос – живой человек,

мой-то взгляд, не худо бы и личутинские чтения в Архангельске устроить, и улицу назвать его именем. Больше-то никого из знаменитых рус-

ских писателей на Севере сейчас не осталось. Но как говорят: нет пророков в своем отечестве. Да и помнят все личутинские колючки в адрес чиновников. Видно, недолюбливают северного правдолюбца.

И подолом, нечего правду описывать, колкости чиновникам говорить. Не умеешь угодничать властям, не жди и орденов.

Впрочем, это все от лукавого. Главное, проза его глубинная, памятливая, советливая – на века.

Как всегда, он и сегодня борется за правду со

а Дедко ваш придуманный, из ума рисованный... В мою церковь, дуралей, придут только избранные.

– Ага, избранные, кого на аркане силком заставишь. – Пиросмани снова подмигнул Царю и кивнул на стену, где гулькали старинные часы, хлопало окошко, и постоянно выныривала востронная молчаливая кукушка, выглядывая своих потерянных дитёшей; как подавалась колосом, бздудя, ещё в прошлое лето, да с той поры и потеряла голос.

Царь ничего особого за спиной хозяина не разглядел, принял очередной стопарь, совсем отогрелся, сердце его распалилось, глаза распахнулись и сейчас, потеребивая бородку, со слезливой любовью он озирает застолье, равнодушно пропуская спор мимо ушей... Пусть

всеми властями, страдает за свой народ, горяч и порывист, как в юности. Словом, есть ещё порох в пороховницах. Не отсырела помарская сила рода Личутиных. И славен он как истинный кудесник русского слова не только по всему Северу, но по всей России. Его знаменитые "Раскол" и "Скитальцы", "Миледи Ротман" и "Беглец из Рая" прочно вошли в русскую классику XX века.

Ещё по рассказам Бориса Шергина узнали мы, сколь "красовито" говаривали мезенские охотники и рыбаки Личутины. И по сю пору стоит на северном море остров Личутина.

Ломоносов писал, что приглашался Яков Личутин из Мезени корячком в первую русскую экспедицию адмирала Чичагова. Все Личутины были добытчики, промысловики. Ценили красоту. Украшали избы резьбой, прялки расписывали, бабы одевды праздничные чудными узорами покрывали. Ходили по северным деревьям в

всматривался в его мутную глубину, выискивая там подвоха, но решилса и выпил. И крикнул.

– Всяк выпьёт, да не всяк крякнет! Юрий Михайлович, зятёк! – вскричал Пиросмани. – Дай, я тебя расцелую за Отца нашего Исуса Христа... Прости меня океанного, что Дашку, такую дуру, тебе подсуорпил. Сделана, оказалось, по чужому лекалу. – Тесть сделал мокрые губы дудочкой, потянулся к зятю, норовя ткнутья в щёчку.

– А вот этого не надо, – Рахманин решительно отстранил свояка рукою, загоролдился локтем.

– Ну и хорошо, ну и ладно, – добродушно согласился хозяин, полез щепотью в ладку за рыбой, которую, быть может, ловил сам Исус,

и вот щучка оказалась в глухом суське на столе у доброго человека, который неколебимо верует в живого Бога. Если беззаветно, до сердцевины души любить Его, то Он обязательно явится с помощью в нужный час. Пиросмани на себе знает силу Христа, его доброе сердце; ведь сколько раз уже попадал в беду, и смерть не однажды скраживала в пять, чтобы забить косою, но всякий раз Христос выручал.

– Дашка-то чего велела передать? – глухо спросил Рахманин, боясь узнать подробности, но сердцем верил, что всё обойдётся, всё будет хорошо.

Пиросмани порскнул по лицу зятя светлыми газетками, но ухмылку спрятал в отвислых устах:

– Да, кабыть, ничего такого... Всё бежки да спешки... Прихватила под ручку этого Фраер-

ману, да к автобусу на рысках.

– Ты говорил, какого-то Блумберга или Бровмана... Теперь уже Фраерман, – допытывался Рахманин, чувствуя себя в глупом положении. Думал, подпирая скулу ладонью: если сбежала, то и чёрт с ней, кобылой, только чтобы насосем, чтобы духу её не было. Как при стала случайно, так внезапно бы и отлипла. Только чтобы не теребила после, не хватала за портки, прими, мол, назад. Дескать, дура была, лукавый поманул... – Иван Иванович, может, записку оставила?

– Надо было бабе сразу брюхо стяпать, – грубо сказал Пиросмани. – А ты в небе звёзды считал да точку искал... А Гринберг тут быстро сообразил. У него не заржавеет. Для кого кутачок за пятачок, а у него золотая денежка. Ведь сроки-то у бабы все выйдут, дак куда годна? Только шлепать по заднице... – Ирл напрапоалу Пиросмани.

– Какие сроки? Чего плетёшь? Врал из ума выпал?

– И ничего не выпал... Еврей старым умом живёт, не нам чета. Он за бабой, как нитка за иглой. Дух-то её за сто вёрст чуёт, как лёс строевой.

– Два мира – два Шапира, – вставил своё слово Царь. Емю вдруг пришла на память старая история и захотелось немедленно выложить её, пока не стёрлась в подпитии. Мысль, как яйцо, надо сразу хватать на перо, пока не протухла, иль не стёрлась в голове. Только выпало из родильницы, тут же налетает ревиные несущики, живо примут за своё, раздавят и раскуют...

Царь задумался, как бы ловчее спелить историю. В голове-то вроде бы всё ладно, а как начнёшь рассказывать, слова липнут то к нёбу, то к языку, виснут на губе вожжами, как сопли на морозе. Особенно, когда изрядно под хмельком, когда самогонные пары источаются из каждой продушины. И вдруг подумал, что история, случившаяся с ним, не простая, а со смыслом, загадочная какая-то, право, мистическая, написанная под диктовку небес... Когда учился в техникуме, снимали в пригородке житьшко на четверых. Коура пеналом, в одно окно, выходящее в огород, в комнату влезало лишь две полуторные койки. Кольке выпало по судьбе спать в одной кровати с "дембелем" по фамилии Шапиро; рыжий веснушчатый парень, щёки и лоб изрыты оспою, нос крючком, курчавый волос. Ну и что, если мамка таким родила? Не с лица воду пить, а еврейский вопрос не был на слуху. Дескать, есть такое чудное племя, где-то невидимо обитает оно, и в то же время не живёт нигде. Необъяснимый фантом, призрак, припевка и прибаутка для связи речи: "Если в кране нет воды, значит, выпили жиды..."

Считалось тогда на Руси, де все люди – братья, всех надо любить... Так, будто бы, сам Господь научал. Хотя, о Боге ничего толком не знали, в единственную в городе церковь не заживали, святых писаний не читали, ничего в православной вере не смыслили, на мужика в рясе оглядывались с усмешкою, но само ощущение Христа было неразлучно с человеком, помещалось где-то внутри, под сердцем, занимая там подобающее место с самого рождения, и, зная, только поджидая случая, чтобы Господь однажды напомнил о себе, больно ворхнулся в груди, и, по-хозяйки растопыря локти, зычно объявил: "Сын мой, Я здесь!.. Сколь-

ту пору талантливые мужики, рассказывавшие былыны, баллады.

Владимир Личутин тоже странник по духу, преобразующий в литературный мир вскормившее его народное знание. Поморский прозаик творит изумительные по красоте и духовности образы, создаёт классическую трилогию "Раскол", посвящённую великому смуте в России. Иные книжные эстеты разводят руками: откуда у Личутина такое тончайшее знание подробностей духовной жизни протопопа Аввакума и Патриарха Никона?

У каждой его книги своя мелодия, своя северная музыкальная нота. Музыка слова и образа ему дана свыше, но оркестровку он ведёт своюю, огранивая стихийное музыкальное раздолье.

Владимир БОНДАРЕНКО

(Полностью статья на нашем сайте denlit.ru)

ко ни бегают, от Меня не скрываются".

Всё бы ничего, в тесноте да не в обиде, да только приходит ночь и так трудно улечься в "полуполуру" двум совершенно чужим мужикам. Шапиро обильно потел, и если пальцы случайно натыкались во сне на его липкое тело, Колька вздрагивал и заново обтыкивал себя простыней и одеялом, чтобы не коснуться соседа. Да, все люди братья, это чувство было понятно Кольке, выросшему в нужде, но кожа студента Шапиры была так неприятна и напоминала скользкую налившую шкуру... Бр-р-р.

Но однажды Колька, уже через много лет приехав на побывку домой, стал разглядывать фотографии, оставшиеся от отца. На выцветшем жёлтом снимке он увидел солдатика в шинели с каким-то постным лицом, носом клювикою и птичьими полускрытыми глазами. На обратной стороне обнаружил надпись: "Мой друг еврей Шапиро. 1940 г."

Этот солдатик удивительно напоминал рыжего сокурсника Шапиро, с которым довелось снимать комнату. А что если это сын того солдата, которому по болезни удалось выйти из армии перед самой войной и вернуться к семье в Белоруссию, откуда и был призван? Случайное совпадение? – мало ли что бывает в жизни, с мистическим окрасом, с неразгаданной тайной, ведь та фотография попала на глаза лет через десять после учёбы, история чужой судьбы, которая по прошествии долгого времени после гибели отца вдруг заимела таинственное продолжение и для человека любопытного могла бы послужить для литературного сюжета.

– Два мира – два Шапира, – повторил Царь, ожидая отклика, но сказал так вяло и нерешительно, что разгорчившееся застолье не расслышало его. Лишь Рахманин усталив на мгновение мутные глаза, навряд ли соображая толком, кто сидит напротив и чего тому надо. А поведлив, спросил:

– Что ты этим хочешь сказать?

– Говорю прямо: два мира – два Шапира. И тут они, и там они, всюду и везде. Не понял?

– Про евреев ни слова, – протянул Пиросмани. – Это очень умные, остроумные люди и от них большой толк... Они из козюльки могут сварганить калачик, абы шанежку и продать с большой выгодой. Среди бела дня обокрали всех, а мы им в пояс: спа-а-си-бо... спаси вас Христос. Вот какая грамотная нация. И потому про евреев ни слова. – Пиросмани нетвердо пристукал кулаком, запел: "Христос воскресе, смертию смерть поправ...". И Дашке за Блумбергом станет очень даже хорошо.

– Вот те на... Весь вечер про них, задолбал Фраерманом и Блумбергом. Да и ты, Рахманин, если приглядеться, из того же теста, себе на ум. Такой хитрец! Против всех, но за себя, – пьяно хихикнул Царь и, оттопыря пальцы, полез в ладку за рыбой, но промахнулся, опрокинул столку соседа. – Где вьют, там и льют, – прокрипел, упрямо просовывая сквозь бороду щучье перо, неряшливо жамкая кости в сплишеяся волосе и сплевывая на стол. Царь был пьян и пьяно безобразно.

Рахманин презрительно скривился, отвернулся от друга в окно, разглядывая своё отражение. Отрубил:

– Где вьют, там даже свиньи не гадят. Пиросмани, прищурившись, ласково протянул:

– Колош-ка-а, по-моему ты уже хорош. Накушался, ёшкин корень. Слава Спасителю, паки и паки. Господь напитал и никто не видал. Пора баиньки...

– Да ну вас к лешему... А Христос-то кто, разве не жид? – Царь уронил голову в готовно подставленные локти и всхрапнул.

– Христос – не еврей. Евреи бы своего Царя не распяли, – твёрдо сказал Рахманин, обкусывая слова, словно отдавал строевую команду. – Христос – это вечный неумираемый человек. Спаситель и Строитель, связующий небо и землю. Плотник и рыбак, святая душа. Навек живой, воплощение Творца, который невидим бысть и необъясним. Бог невидим, ибо он средоточие сущего, всего лишь пульсирующая точка, а через Исуса Христа всегда с нами... Неотлучно... Разве не так, Иван Иванович?

– Если бы Христос был евреем, он не полез бы на крест, а соскочил с него. Вот и весь сказ. Ёшкин корень. Дурите тут нам голову, когда бесы под окном. – Пиросмани, упираясь на кулаки, тяжело поднялся с лавки, жёстко подхватил зятя под локотъ, потянул на выход. Царь приподнял заплывшие глаза и снова уронил голову на стол.

В коридоре Рахманин остановился у двери в девичью, потрогал висчяий замок. Подумал вдруг: "Замок скрывает пустоту, иль закрывает тайну. А иначе, чего ещё можно хранить?". Помстилось, что в горенке вроде бы плачет кто, скулит по-собачьи, зывает о помощи. Это кровь погуживала в ушах, напирала на переносицу, буровила глаза. Пиросмани не давал прислушаться, пьяно икал, прерывисто, приставывая, дышал затыл в курчавую бороду, видно барахлило сердчишко, и, не отпуская рукава, настойчиво провожал гостя на улицу. "Да, не может того быть, чтобы Дашка сбежала из деревни, не известно, – томился во дворе Рахманин, напряжённо обшаривая взглядом дальнюю часть избы, погружённая в темноту окна боковушки, в которой снял сливки в первую свадебную ночь. Уже хозяин вернулся в дом, приперев изнутри ворота, но что-то упорно держало Рахманина в заулке, пугало ноги. Он толкался рукою в калитку, ушибая пальцы, и не мог нащарить щеколду. Ему казалось, что он любит Дашу и нестерпимо жлеает её. – "Плохо я живу, как-то неловко... – с горькой укоризною и обидой на кого-то мельтешишь в голове. – Нелепо и бессмысленно... Всех растерял и ни к кому не привязался... Строил, укреплял, выверял жизнь с пристрастием, и вот вся распозлалась, как гнилая тканьина. Значит, прочность шва зависит не столько от крепости ниток и частоты стежка, сколько от самой материи, которую собрался шивать. Если она поистпела, то как бы ни старался её шить, она обязательно полпнет в новом месте. Так что все труды напрасны... Вроде бы и неторопко жил, вразвалочку, а всамделе бежки и голопом. Иль дотюноя кого, иль убегаю от себя? Некий Бровман или Мельман втихомолку выхватил изо рта последний сладкий кусок... И Христос где-то кружит, всё медлит, не заступая хозяином в мою хранилку, где ждёт его Батько. Может плохо зову?"

ЧИТАЛЬНЫЙ ЗАЛ

НЕ ПРОЩАЙТЕ МЕНЯ
В дни тревог, уходящие в вечность,
В мирных буднях, добытых в бою,
Не прощайте меня за беспечность,
За неправду и трусость мою.

Никакого прощенья не стою
В этот век беспощадно-люхой.
Раз живу, притворяясь слепойю.
И молчу, притворяясь глухой.

Не прощай меня, мама родная,
Раз весь мир вдохновенно любя,
И о горестях будней рыдая,
Я, порой, забывала тебя...

Не прощайте, что в веке суровом
Боязливо я лиру несла.
Никого не ободрила словом.
Никого от беды не спасла.

Глохнет в грохоте робкой мой голос.
Зло лютует, в грехи нас клоны.
Не прощайте коварство и подлости!
...И не надо – прощенья дня.

ТВОРЦАМ-МУДРЕЦАМ
Пересчитав свой риск и страх
На доллары и мили, –
Вы Родину мою в мечтах
"По-братски" поделили...

Но калькулятор ваш трещит,
Посев ужас вскоре,
Когда российский "Меч и щит" –
Возник на мониторе.

Возник погибельный маршрут,
Ведь не окунуть оком
Страну, где "Тополли" цветут
У "Сатаны" под боком.

Где каждый здоровый – патриот!
И свято клятве верен.
Где дух, питающий народ,
Пространству соразмерен.

...Уж столько наломали дров
Отцы теорий модных –
Творцы всемирных катастроф,
Майданов всенародных...

ШЕСТАЯ КОЛОННА
Под тайным покровом закона,
В поддержку народно-проклятой,
Вползает шестая колонна,
Примкнув к опозоренной, пятой.
Но тоньше локчи подбирает.
И против ветров – не плывёт.
На струнах державных играет
И русские песни поёт...
И слышится с чувством особым,
Как там о любви говорят,

Где антисемит с русофобом
Обнявшись, в Госдуме сидят.

Людмила Щипахина

Покаяться всем и забыться!
Простить и не думать о том,
Как хочется им раствориться
В народном доверье святом.

Но хитрая, хищная стая
Не выбьет наш праведный код!
Давай, до свиданья, шестая, –
Шестёрка заморских господ!

Неужто мне зависит от речей,
От ловкачей, от хитрости надменной,
Когда журчит серебряный ручей
В глуши тайги,

во глубине Вселенной?
Когда душе так горько без родства
С забытым бытом древнего уклада...
Когда я в стороне от торжества
И жатвы золотой, и листопада.

Когда чужая злоба, ложь и шум
По сердцу хлещут горестно и больно,
Довольно мне, чтоб с чувством ладил ум,
Чтоб жил мой дух светло и монополюно.

И скорбный крест, и сонная земля,
И звёздный ковш – небесная посуда –
Мой частный мир. Широкие поля
Без примеси азота и мазута...

И день высок, чтоб не забыла я,
Какую дань принять угодно миру.
И глупо над подобьем бытия
Всерьёз страдать и всуе мучить лиру.

Перекрестись солнечным лучом,
Пролить слезу на материнском поле –
Без этого нет истины ни в чём.
Всё остальное – суета! Не боле.

ГЛАМУР
Они – ничто. Они – никто.
У них – гламурное авто.
Пиджак невиданной красоты,
Гламурный галстук и трусы.
Для них гламурные спецы
Давно отстроили дворцы.
Очистили от лишних лиц.
Гламурных привели девиц.

Ласкает их гламурный быт,
Враньём и воровством добыт.

И плохо совсем сознаёт,
Что ВЫШЕ – лишь БОГ и НАРОД!

ОСМЕЯННЫЕ ПАТРИОТЫ
У них священные заботы –
Спасать Отечество и нас...
Осмеянные патриоты –
Отверженный эпохой класс.

По убеждению, не в спешке,
Несут идей высоких свет,
Презрев ухмылки и усмешки
В лицо, и в спину, и в след...
От них дрожат не понарошку
Владельцы замков и валют,
Где можно, ставят им подножку,
А где нельзя – наотмашь бьют.

И даже слово – "патриоты" –
Как символ – "тайные враги",
Совки, изгои, идиоты.
А дальше – только матюги.

...В их скромном подвиге великом
Залог добра грядущих лет!
А время "икс" к священный ликам
Ещё причислит их портрет...

РУССКАЯ ИДЕЯ
Не тягостя нагрузкою,
Сквозь зыбкий свет и мрак,
Идею ищем русскую,
Национальный знак.
Не за поклон и премию
Не за иную мзду...
Идея – стёрлась временем.
В огне, в смертях, в бреду.

Лучом, крестом и знаменем
Пребывшая всегда, –
Уж чуть заметным планетам
Мерцает сквозь года...

Святых умов пророчество,
Веков священный труд...
А как ей имя-отчество?
И как её зовут?
Она зовётся – СОВЕСТЬЮ.
И в РАЗУМОМ в ладу:
"Трудиться – по способностям.
И благо – по труду".

ПРИДЁТ ПОЭТ...
На всё, что смутно до сих пор,
Ищи в поэзии ответа...
Не зря на чужь и всякий вздор
Находятся слова поэта.

И плохо совсем сознаёт,
Что ВЫШЕ – лишь БОГ и НАРОД!

ОСМЕЯННЫЕ ПАТРИОТЫ
У них священные заботы –
Спасать Отечество и нас...
Осмеянные патриоты –
Отверженный эпохой класс.

По убеждению, не в спешке,
Несут идей высоких свет,
Презрев ухмылки и усмешки
В лицо, и в спину, и в след...
От них дрожат не понарошку
Владельцы замков и валют,
Где можно, ставят им подножку,
А где нельзя – наотмашь бьют.

И даже слово – "патриоты" –
Как символ – "тайные враги",
Совки, изгои, идиоты.
А дальше – только матюги.

...В их скромном подвиге великом
Залог добра грядущих лет!
А время "икс" к священный ликам
Ещё причислит их портрет...

РУССКАЯ ИДЕЯ
Не тягостя нагрузкою,
Сквозь зыбкий свет и мрак,
Идею ищем русскую,
Национальный знак.
Не за поклон и премию
Не за иную мзду...
Идея – стёрлась временем.
В огне, в смертях, в бреду.

Лучом, крестом и знаменем
Пребывшая всегда, –
Уж чуть заметным планетам
Мерцает сквозь года...

Святых умов пророчество,
Веков священный труд...
А как ей имя-отчество?
И как её зовут?
Она зовётся – СОВЕСТЬЮ.
И в РАЗУМОМ в ладу:
"Трудиться – по способностям.
И благо – по труду".

ПРИДЁТ ПОЭТ...
На всё, что смутно до сих пор,
Ищи в поэзии ответа...
Не зря на чужь и всякий вздор
Находятся слова поэта.

Пока умы святых голов
Натужно истину штурмуют,
Поэт напишет пару слов
И все проблемы зарифмует!

А коль тяжки твои грехи,
Прощенья нет – одна досада, –
Цитируй нужные стихи
И всё уладится, как надо...

Да и в любви одной строки
Порой довольно – вызвать чувство!
Поэт, дела твои крепки
И благодетельно искусство.

В идейных войнах – рядовой.
Ритм строчек – соразмерен с битвой.
Ты первый на передовой
С победным кличем и молитвой!

Как дальше сложится года?
Что мир разведнит? Что свяжет?
...Не сомневайтесь, господа,
Придёт поэт. И всё подскажет...

ПРАВА ЧЕЛОВЕКА
Какие права человека,
Коль нет ни сберкнижки, ни чека?..
Какие такие права?
Права захватила братва!
Жульё, олигархов орава
Без совести, чести и права.
Все блага подлунного мира
В кровавых руках рекетера.
Все банки, заводы и шахты.
И все белоснежные яхты...
Коль не завладел капиталом,
Притихни, и думай о малом...
Ты – праведный, честный и нищий,
Утешься подкинутой пиццей,
Придуманной хитростью века –
Борьбой За права человека!

ДРУЗЬЯМ
Друзья мои, у вас легка рука.
Ваш глаз не слезит.
И известно тоже:
Когда хула слетает с языка,
Она ему досадна и горька...
Молчанье – легче. Истина – дороже.

Так чист родник, приближенный ко рту,
Что я глоток поспешный
сделаю трушу.
Зачем стряслось такое на роду?
Зачем я вникла в вашу доброту?
Пустила в сердце. И связала душу.

Общительность скрученная нить
Сухую отчуждённость расплвила.

И вот учусь я с вами есть и пить.
И всё, что есть, и всё, что может быть,
Я меж собой и вами разделяю.

Друзья мои, не тяжела ли вам
И верность ваша, и долготерпенье?
Угодно ли разумным головам
Простить мое пристрастие к словам
И от меня – принять стихотворенье?

НАВЕЯЛО...
Не говори, что независим!
Не верь наивно в эту ложь!
Ты каждый миг у вечных истин
В суровой кабале живёшь.

Уже с рождения – зависим!
Хоть отречешься хитро.
От дел, от случая, от писем
От стрелки, сломанной в метро.

От грозных рисков лихолетья,
Где дым войны горяч и густ.
Ты – в кабале проблем столетья.
Ты – в рабстве у прекрасных чувств...

Ты мерой глубины и выси
Сверяешь собственные дни.
Не говори, что – независим!
Смирись и голову склони.

Да будь ты неуч или профи,
Да будь ты трус или герой...
...Ведь иногда от чашки кофе
Зависит и судьба... Порой...

УКРАИНА (Так будет!)
...День придёт и час настанет,
На смертях и на крови
Возродится и воспрянет
Вековой простор любви.

Будет путь смертельно-труден.
Позади его – война...
...Над Днепром, который чуден,
Разольётся тишина.

Память дней приглушит грозы,
Приутихнет в сердце ком...
Мы утрём святые слёзы
Знаменитым рушником.

Вновь Россия с Украиной
На привольный выйдут шлях,
Дети матери единой
На родительских полях...

На бесславную кончину
Не надейтесь, господа!
Ще не умерла Украина!
И не сгинет никогда!

ОТ РЕДАКЦИИ:

Когда 8 лет назад в Сергиевом Посаде Московской области арестовали члена Союза писателей России Владимира Смирнова, то через газету "Завтра" к прокурору города Вениамину Селифанову обратились известные писатели и общественные деятели, среди которых были Александр Проханов, Валерий Ганичев, Владимир Бондаренко, Николай Иванов и другие.

Люди умудрённые и знающие жизнь не понаслышке они обращались с просьбой самым тщательным и справедливым образом расследовать все обстоятельства дела.

Потом на суд, который проходил тоже в Сергиевом Посаде, приехали представители Союза писателей России, которые видели, как пугались и сбивались в своих показаниях свидетели обвинения и что они представляли собой, – а это были сплошь лица, злоупотреблявшие спиртными напитками.

8 лет из мест заключения Владимир Смирнов отправлял жалобы в прокуратуру и в Московский областной суд, но не был услышан. Освободившись, он обратился с жалобой на имя председателя Следственного Комитета Российской Федерации А.И. Бастрыкина. Владимир Смирнов утверждает, что был осуждён незаконно, готов пройти проверку на полиграфе (детекторе лжи) и просит проверить факты фальсификации доказательств, которые, несмотря на десятки жалоб, никто не проверял...

Редакция газеты будет следить за развитием событий и за судьбой Владимира Смирнова.

ОТКРЫТОЕ ПИСЬМО-ЗАЯВЛЕНИЕ

Уважаемый Александр Иванович, хорошо представляю себе Вашу занятость, понимаю, какой ор стоит по всей стране, но, не имея возможности попасть к Вам на прием, вынужден обратиться с открытым письмом.

Два месяца назад я освободился из мест заключения, где провел почти восемь лет, не совершив никакого преступления.

Уголовное дело сфабриковали в Сергиево-Посадской прокуратуре при соучастии городского суда.

На протяжении восьми лет я написал десятки, если не сотни жалоб, но получал в ответ пустопорожние отписки, хотя факты фальсификации доказательств в уголовном деле буквально мозолили глаза.

Но страна у нас одна и поэтому, я думаю, Александр Иванович, что Вас, как и меня, не может устраивать такое положение, при котором невиновные попадают в тюрьму, преступники остаются безнаказанными, а подлые, которые фабрикуют уголовные дела и растлевают всё вокруг себя, делают успешную карьеру.

При таком положении мы очень скоро потеряем страну и проищи НАТО будут тут не причём. Поэтому, добиваясь справедливости, я буду бороться не за себя, а за свою страну и, если понадобится, поставлю свою жизнь во славу Божию, как свечку.

Одновременно с выходом открытого письма, день в день, отправляю в Управление по обращению граждан, подаю официально заявления и приложу копии документов, а пока, чтобы не отнимать у Вас время, перейду непосредственно к делу.

Первое, о чём я хочу заявить – это о своей полной готовности пройти психофизиологическую экспертизу, то есть проверку на так называемом детекторе лжи по всем материалам дела.

При этом я абсолютно убеждён, что свидетели обвинения, а это сплошь хронические алкоголики, проверку на полиграфе не пройдут, у прибора просто полетят предохранители от нагромождений лжи.

Второе, на что хотелось бы обратить Ваше внимание – это на беспримерно наглую фальсификацию доказательств. Так, в уголовном деле имеются две биологические экспертизы № 976 и № 2716. Они дают взаимоисключающие заключения. При этом описания объектов исследования у экспертов не соответствуют друг другу, что прямо наводит на мысль о подмене образцов. К примеру, экспертиза № 976 дала заключение, что в моей квартире и воле моей квартиры в соскобе со стены обнаружена кровь III группы, а экспертиза № 2716, спустя полтора года, по тем же образцам исследования сделала вывод, что это кровь I группы.

Такое не бывает и ошибиться опытные эксперты не могли, они добросовестно провели свою работу, у обоих высшая категория и стаж работы по специальности 25 лет. Да и различия в описании одного и тех же объектов исследования говорят не об ошибке, а о подмене образцов, причём подмену провели не эксперты, они бы сделали так, что комар носа не подточит.

С уважением, Владимир СМЕРНОВ

Самоубийцы

Мишка Зимин сидел за то, что убил жену. Из ревности убил. И теперь не жил, а маялся. Каждый день был для него как мука. Но мучился он не тюремным сроком, нет, а памятью о ней. Как Бог определил: "Но имей против тебя то, что ты оставил первую любовь твою". – Так, кажется, звучит в Апокалипсисе.

Люди жили умом, а Мишка жил душой. Но душа у него была мягкой, словно воск, и поэтому он тянул на глазах как свечка. А под конец срока вовсе сгас. Ни Богу свечка, ни черту кочерга. И всё-таки никто не мог предположить, что он покончит жизнь самоубийством... в день освобождения.

Надо же так рехнуться, чтобы в такой день! Мог бы жить и жить, да не зажился. И так вышло, что срок лагерный и срок земной закончились для Мишки в один день.

В субботу, около 16 часов на виду у всей колонии выбросился из окна Андрей Лагутин. Он был из четырнадцатого инвалидного отряда, но пробрался на третий этаж, где гужевался другой отряд, и выбросился из окна

умывальника. Сначала несколько минут стоял на подоконнике. Майка у него была навыпуск, а куртку робы он комкал в руках.

От вахты, сломя голову, бежали контролёры, кто-то сообщил, а он как будто дожидался их, и когда они приблизились к локальной зоне, прыгнул. Сперва наклонился, положил на подоконник куртку, потом выпрямился, коротко перекрестился и прыгнул "ласточкой" вниз головой, и шмякнулся, расшибся об асфальт, свернул себе шею.

Это было самоубийство, но показательное, дерзкое, как акт самосожжения, как вызов. Спустя несколько минут объявили построение на проверку. Напротив нашего отряда возле штаба стояли замполит Панфёров Сергей Владимирович, у него было погоняло Балдокрут и его подчинённый начальник воспитательного отдела капитан Климов Роман Дмитриевич. Он никогда не снимал тёмных очков.

Панфёров что-то весело рассказывал, давился смехом, а Климов угодливо растягивал в улыбку губы и кривил на пальце почку от ключей.

Утренняя проверка затянулась. Не могли досчитаться одного человека. Проверяли по карточкам, пересчитывали, наконец, пропажа обнаружилась.

Оказалось – Сережа Молдаван, из 8 барака. Он повесился. Втихаря, пока не хватились. Кто-то недоумевал: "Вроде был весёлый парень и не унывал, что-то на него нашло". Кто-то рассуждал: "С собой поругался, в карты проигрался – какая разница. Самоубийство – это грех". Кто-то осуждал: "Дурак. Смерть беспонтовая. Ладно бы – завалил козла – тогда другое дело, а так понта нет!".

Но в целом известие встретили равнодушно, вяло обсуждали и на другой день забыли.

Стёпу Осетина убили ночью на запретной полосе. Дай Бог памяти, когда это было? Да, 20 июля 2014 года.

Дзугаев Стёпа из Беслана. Мы были хорошо знакомы. Он погиб в 36 лет, не отсидев и половины срока.

Из всех, кого я знал на зоне, Стёпа был самым душевным человеком. Он во всём жаловался, но ничего сам не просил. Однажды я дал ему коробку сухого торта. Он огорчился: – У тебя же нет ничего лишнего! Зачем отрываешь от себя? – Глаза у Стёпы оставались грустными, даже когда он улыбался.

Стёпа искал смерти, а руки на себя боялся наложить. И тогда придумал на свою голову побег. Полез напролом через ряды колючей проволоки и заборов.

Охранник обнаружил Стёпу, дал предупредительный выстрел, закричал: – Стой! Стрелять буду! Стёпа повернулся к нему и матерно выругался: – Да стреляй... твою мать!

Следующая пуля пробила ему грудь. Он упал и руки разбросал по сторонам.

У него остались старики-родители и четырёхнадесятилетний сын.

Окно в мир Иной всегда открыто. И когда уже невмоготу и нет сил жить, то можно выпрыгнуть в это окно. Но если смерть сама настигнет человека, то в мир Иной он входит через дверь. Вечность как капкан на людей

литературы по исламу и он свято убеждён, что нет Бога, кроме Аллаха, и Мухаммад – пророк Его. Я с ним не спорю. Дружба выше разногласий. Рустам грустно говорит:

– Тюрма – это занка жизни, но отсюда видно всё. Видно, в каком государстве мы живём, и как работают суды; видно, кто твои друзья и чего ты стоишь сам.

Я с ним согласен. В тюрьме меньше искушений и грех на душу берётся не каждый день, но каждый день в неволе проживаешь, будто через дебри продираешься.

Трифон

Дед Савин Алексей Федотович досиживает свои 8 лет и сетует:

– На детство выпала война, а на старость лет – тюрма. Про конфеты я не знал лет до восьми. Отца призвали сразу как началась война, а в декабре он уже погиб: самая свалка там была, когда Москву держали. Потом фронтовики рассказывали, что сибирские дивизии спасли Москву. – Дед Савин разворачивает карамельку, кладёт в рот и жмурится от удовольствия.

Володя Трифонов на двадцать лет моложе. Он сам себе на уме и весь срок ходит с протянутой рукой.

– Дай конфетку.
Савин поджмывает губы, угощает и велит: – Расскажи, что в мире делается?
– Во! Что делается?! – Трифон любит лясать поточить. – А сами чего новости не смотрите?..

В конце мая в Магадан выпал снег. За один день месячная норма. Во! Природа как медведь. Медведь спит у себя в берлоге и лапу сосёт, или что он там сосёт – не знаю. Не тронь его и будет спать спокойно, а потревожи, и он пойдёт крушить всё на пути. Так и природа, лучше с ей не связываться.

– Балабол ты, Трифон, иди, куда шёл.
Трифон на слова не обижается.

– Дай ещё конфетку и пойдю.
Савин тянется за костыльём.

– Иди от греха подальше.
Трифон понимает, что здесь больше не обломится и топает на поиски в другое место. Ходит, колосапит. Одну руку держит за спиной. Такая у него привычка.

Одноклассники

Гоша – это Игорь Голиков. Он сидел со мной в тюрьме за какое-то нелепое убийство. У него была не первая судимость. Гоша часто вспоминал, как учился в одном классе с Алексеем Улюкаевым, в Люберцах, в школе № 43. Гоша с грехом пополам окончил 8 классов и ушёл в ПТУ, а будущий министр и банкир продолжал учёбу. Они учились вместе восемь лет.

Жизнь у Гоши не сложилась, но без наших, он гордился одноклассником и не знай зазавиства говорил:

– Улюкаев учился хорошо. Мы росли шапной, а он был толстенным, в очках, каким-то неуклюжим, больше с книжками, чем с ребятами дружил, сторонился как-то, может быть, стеснялся, но его не трогали, потому что безотказно помогал.

После школы я с ним изредка встречался. Один раз в метро, когда он был студентом. Я ему тогда сказал: "Большим человеком, Лёша, станешь. Поможешь, если обращай". Он сказал: "Обязательно помогу". Он был очень целеустремленным человеком.

А потом, наверное, в 2002 году увидел я его по телевизору. Он был заместителем министра финансов. Я подъехал к министерству, узнал, где находится, зашёл в холл, охранник мне культурненько объяснил, как его разыскать. Я позвонил секретарю, сказал, что одноклассник, по личному вопросу.

Я ни в чём не нуждался, просьбу у меня никаких не было, нужды не было, просто порадовать хотел, что человек, мой одноклассник, добился чего-то в жизни. Секретарь выпытывала у меня, где я учился с ним, по какому вопросу пришёл. Я сказал, увидевший и водки выпить. Я уже бухой был. Так он и не позвонил. Я телефон секретарю оставил. И на этом всё заглохло. Я подумал, занят человек, некогда ему, и больше не стал беспокоить.

Тюремные истории

поставлена. Она укрывается от нас за иодолью земной и скоротечной жизнью.

Мир Иной обширней нашего и густо населён.

Погоняло (клички) не являются атрибутом преступного мира. В школе и среди студентов, в армии, в милиции, у депутатов и в правительстве употребляют в обиходе прозвища и клички. Это ведётся с мальчишеских пор, а если обратиться к истории, то с незапамятных времен. Вот что сказано у Н.Карамзина: "Уже при Дмитрии Донском некоторые знаменитые граждане именовались по родам или фамилиям вместо прозвищ, какими различались прежде люди одного имени".

Тюрма тоже выдумала погоняло не для конспирации, а для удобства. В камере, где масса арестантов, крички: "Саня!" – отзовутся несколько человек. Поэтому, дабы избежать путаницы, Сашу Рыбченко будут звать Рыбой или Рыбаком, а Сашу Мельникова – Мельником и всё станет на своих местах.

Погоняло чаще всего берут по фамилиям: Макар – Макаров, Фролов – Фрол и так – до бесконечности. Но погонялом может послужить профессия или род деятельности, в том числе преступный. Так, к бывшему электрику прилипло погоняло: 220, а цыганку, она попала в тюрьму за распространение наркотиков, звали Мать Героина.

Внешний вид, физический изъян или свойство характера тоже могут лечь в основу погоняла. В тюрьме работал воспитателем некий Игорь Юрьевич, маленький и кривоногий, с низкой тугой задницей и круглым животом. Так ему дали погоняло Клоп. За вонючий характер.

А узбек Абдувазид смирился с погонялом Вася, но за имя его вовсе не считал.

Беда, когда у ээка погоняла нет. Я припомню только один случай. Человека так и звали по фамилии: Лукуткин. Это был совсем ничемный ээк.

Кучум

Высокий, плечистый и худой Алексей Кучум умел радоваться самой малой радости.

Возьмёт за живое музыка и Кучумов вытанцовывает прямо на плачу. На виду у всех. Корявое лицо его преображается.

Он топчется как слон вокруг себя, переступает с ноги на ногу, в поясе перегибается, локтями ловит такт и даже пальцы на руках что-то у него стригут.

А вот припевка у Кучумова одна: "Топ-стоп, Канада, Нам рублю не надо. Догарей нам дайте, А вы, хлопцы, грайте!".

На любую музыку пологит и речитативом выговаривает в склад и в лад.

Джунгли

Рустам Джанхотов – сильный духом, справедливый, совестливый человек. У него много

друзья мои, не тяжела ли вам
И верность ваша, и долготерпенье?
Угодно ли разумным головам
Простить мое пристрастие к словам
И от меня – принять стихотворенье?

Друзья мои, не тяжела ли вам
И верность ваша, и долготерпенье?
Угодно ли разумным головам
Простить мое пристрастие к словам
И от меня – принять стих

ПОДПИСКА НА ГАЗЕТУ
"ДЕНЬ ЛИТЕРАТУРЫ"
ОБЪЕДИНЕННЫЙ КАТАЛОГ
"ГАЗЕТЫ И ЖУРНАЛЫ РОССИИ..."
ИНДЕКС: 26260.
ИНТЕРНЕТ: denlit.ru

ДАЛЁКОЕ – БЛИЗКОЕ

К 200-летию со дня рождения автора "Конька-горбунка"

Юбилей Петра Павловича Ершова (22 февраля (6 марта) 1815 – 18 (30) августа 1869) мы будем отмечать потому, что в 1834 году в майском номере журнала "Библиотека для чтения", только что основанного тогда знаменитым книготорговцем Александром Филипповичем Смирдиным по образцу французского "Bibliothèque Universelle", был опубликован отрывок из "поэмы "Конёк-горбунок".

хотя бы бесконечные споры о Шекспире, и отечественной (всем памятна) многолетняя круговерть вокруг авторства "Тихого Дона" литературы, ответ будет, скорее всего, отрицательным.

Отрицательным – исходя даже не из совокупности каких-то приводящихся внешних обстоятельств, но из текста самой сказки.

Хорошо известен тот факт, что многие композиторы прошлого, да и современности, чтобы избежать споров об авторстве и связанных с ним вопросов,

нось нот. Этот приём, своего рода музыкальная подпись (монограмма) автора, равноценная подписи художника на холсте, зародился в европейской музыке ещё в XVIII веке (наиболее ярко – в творчестве И.-С.Баха) и широко используется до сих пор.

смерть и ад со всех сторон" ("Полтава"), порой – как необъяснимый анахронизм: "Пушки с пристани палат, кораблю пристать велят" ("Сказка о царе Салтане..."), порой – как перифраз других поэтов: "И медных пушек светлый ряд" ("Воспоминания в Царском Селе", перифразирует строка Державина "И медных пушек светлый строй").

Проблема литературного (и поэтического) монограммирования, в отличие от монограммирования музыкального

кин вышел с публикацией "Руслана и Людмилы" (1820), написанной им также в самом юном возрасте.

Рассматривать этот шедевр как типичную романтическую поэму, где история, тесно переплетённая со сказкой, играет лишь подчинённую роль, видимо, не совсем правильно. "Ключом" к поэме служит знаменитое вступление "У лукоморья дуб зелёный..."

ределкам, вследствие "барской" образованности автора, всегда "будет недоставать этой неподдельной наивности ума, не просвещённого наукою, этого лукавого простодушия, которыми отличаются народные русские сказки".

Позже взгляд Белинского на данную проблему несколько меня-

"Конёк" мой снова поскакал... Владимир ВИННИКОВ

в том числе правовых, попросту "вплетают" в музыку своё имя, выраженное через определённую последователь-

(Юферова О.А. Монограмма в музыкальном искусстве XVII-XX веков: Дис. канд. искусствоведения. – Новосибирск, 2006), практически не разрабатана, однако в случае с "Коньком-горбунком", на мой взгляд, никакому сомнению даже не подлежит – рыба-ёрш присутствует здесь в качестве вроде бы побочного, но весьма яркого и запоминающегося персонажа, который, собственно, и решает судьбу Ивана-дурака, разыскав на дне морском сундучок с перстом Царь-девицы.

ских сказок была опубликована (в 1832 году) только "Сказка о царе Салтане...", которая, видимо, и послужила "катализатором" для творчества Ершова.

Какой же образ предстает перед нами? "Конька-горбунка" Пушкин, несомненно, и принял, и признал, не только подвергнув "внимательному пересмотру", но и лично поправил начало сказки, придав ей всем известный хрестоматийный вид:

За горами, за лесами, За широкими морями, Протяже неба – на земле Жил старик в одном селе...

есть: "Все это – больше, нежели портрет или зеркало действительности, но более похоже на действительность, нежели действительность походит сама на себя, ибо всё это – художественная действительность, замыкающая в себе все частные явления" ("Горе от ума, сочинение А.С. Грибоедова", 1840).

И затем: "Есть у Пушкина русская баллада ("Жених"), написанная им в 1825 году, в которой появилась и первая глава "Онегина". В народных русских песнях не больше русской народности, сколько заключено её в этой балладе" ("Евгений Онегин", статья восьмая, 1844).

Как можно видеть, право и даже обязанность автора трансформировать "действительность", вернее – эстетический идеал действительности, в которую ранее Белинский отказывал всем писателям на примере сказки Ершова, впоследствии признавалось и провозглашалось им. Но уже без всякой "обратной" привязки к "Коньку-горбунку".

Между тем, именно в этом произведении ярче и глубже всего проявляются – да, в форме стихотворной сказки! – принципы реализма. И это вовсе не "сказочный реализм", а реализм, если можно так выразиться, коммуникативный. Поскольку вся "действительность" русских сказок собрана здесь Ершовым, словно солнечные лучи стеклянной линзой, в единый фокус. Здесь вы не найдёте никакой нечистой силы, с которой должен сражаться и которую должен побеждать главный герой: ни кощеёв бессмертных с бабами-ягами, ни змеев-горынычей, ни злых колдунов, ни бесов, ни иноземных богатырей или царей с огромным войском. "Конёк-горбунку", если не принимать во внимание его волшебных природных персонажей, – даже не сказка в привычном её понимании, а почти полный набор кодов социальной коммуникации. Большинство из них – вполне открыты и фольклорны. Но некоторые – напри-

мер, в описании путешествия Ивана-дурака на небо и его общения с матерью Царь-девицей, луной, которая вполне по-мужски именуется Месяцем Месяцовичем и выступает заодно как мать солнца, – аналогов в фольклоре, судя по всему не имеют, и являются своего рода "тайнописью", которую исследователям только предстоит расшифровать.

Зато "китово царство", объёмлющее собой все моря-океаны, озёра и реки, оказывается, представляет собой едва ли не полный подводный аналог царств человекему, в котором существует главный герой.

Мир "Конька-горбунка", если можно так выразиться, предельно антропоцентричен, поскольку центром мира всегда и везде выступает главный герой, что смещает привычные системы координат уже в самом начале сказки:

Братья севли пищенцу Да возли в град-столицу: Знать, столица та была Недале от села...

Образ Ивана-дурака в сказке даётся прежде всего не через авторское описание (хотя они тоже присутствуют), а через постоянное общение героя с другими персонажами и с самим собой. В этом общении он, бывало и врёт (рассказ родным о поправке хлебного поля "дьяволом"), и запирается (разговор с царём по поводу пера жар-птицы), и ошибается (отказываясь от совета своего волшебного помощника, конька-горбунка), и меняет своё отношение (например, к Царь-девице), – то есть вовсе не представляет собой образ идеального "рыцаря без страха и упрека". Но в нужный момент, при явном вмешательстве сверхъестественных (впрочем, для сказки – вполне естественных) сил, – он преодолевает все испытания, выходит из них победителем, обретает любовь и "становится царём" – справедливым и сильным, воплощая в себе архетип Русского мира, "русского царства".

"Конёк" мой снова поскакал по всему русскому царству. Счастливым ему путь!.. Заслышав, тому уже 22 года, похвалу себе от таких людей, как Пушкин, Жуковский и Плетнёв, и проскакав в это время во всю долготу и широту русской земли, он... тешит люд честной, старых и малых, сидней и бывалых, и будет тешить их, пока русское слово будет находить отголосок в русской душе, то есть до окончания века..." – написал об этом сам Ершов в 1864 году, предвзятое новое издание своей бессмертной сказки. Бессмертной – вместе с её автором.

Вышла в свет новая книга «Крым в русской поэзии и искусстве» (Антология. Составление, примечания В.И. Калугина. – М.: Издательский дом «Вече», 2014. 720 с.).

Крым – Мекка русской поэзии и русской живописи – впервые представлен в антологии от первой державинской оды 1783 года о мирном присоединении Крыма к первым картинам художника Сиверского князя Потёмкина-Таврического, участника всех его военных походов Михаила Иванова, от «Херсониды»

Семёна Боброва, «Бахчисарайского фонтана» Александра Пушкина, «Тавриды» Андрея Муравьева до картин и гравюр самых знаменитых «видописцев» первой половины XIX века Емельяна Корнеева, Кюгельхена, Никанора Чернецова, крымских живописцев шедевров Айвазовского, Левитана, Коровина, Богаевского и крымской поэзии XX и начала XXI века. В книге не в отрывках, а полностью публикуются крымские поэтические циклы Ивана Бороздина, Владимира Бенедиктова,

Михаила Розенгейма, А.К. Толстого, Петра Вяземского, Арсения Голенищева-Кутузова, Владимира Набокова и забытой поэтессы Надежды Бронницкой, создавшей в 1918 году поэтический реквием «Терновый венец» о «красном терроре» в Ялте и Севастополе. Завершает антологию подборка «Совершённые поэты Крыма». Малая часть этих публикаций представлена ниже.

Николай БЕСЕДИН

Пока ещё горит свеча, Давайте говорить О правде слова и меча, О долге Русь хранить. Горит свеча. Упрямый свет Напоминает нам, Что в Севастополе ответ На киевский Майдан. И что история жива И в камне, и в сердцах. В сталь обращаются слова На русских кораблях. Миротворящего луча Всё тоньше, тоньше нить.. Пока ещё горит свеча, Давайте говорить. Май 2014

Николай ТАРАСЕНКО

Небо из аквамарины, Киммерия, возраст мира, Край орлиный, Киммерия, слышен клёкот, звук картавый.

Александр ПУШКИН

НЕРЕИДА Среди зелёных волн, лобзающих Тавриду, На утренней заре я видел Нереиду. Сокрытый меж деревьев, едва я смел дохнуть: Над ясной влагою полубогиня грудь Младую, белую как лебедь, воздымала И пену из влосов струею выжимала. 1820

Максимилан БОЛОШИН

ТАВРИДА Я помню ночь над спящею землею, Когда впервой увидел море я. Всё спало вокруг. Казалось, тишиною И чудной негой ночь была полна.

Владимир НАБОКОВ

ЯЛТИНСКИЙ МОЛ В ту ночь приснилось мне, что я на дне морском... Мне был отраден мрак безмолвный; Бродил я ошупью, и волны, И солнце, и земля казались дальним сном. Я глубиной желал упитаться И в сумраке навек забыться. Чтоб вечность обмануть. Вдруг побелел песок, И я заметил, негодую, Что понемногу вверх изю я, И понял я тогда, что берег недалёк. Хотелось мне назад вернуться; Закрывать глаза и захлебнуться; На дно покато хотелось мне упасть И медленно скользить обратно В глухую мглу, но непонятно Меня влекла вперед неведомая власть. И вот вода светлее стала, Поголубела, заморчала... Остановился я: послышалась мне гул; Он поднимался из-за края Широкой ямы, замирая, Я к ней приблизился и голову нагнул, И вдруг сорвался... Миг ужасный! Стоял я пред толпой неясной: Я видел: двигались в мерцающих лучах Полу-скелеты, полу-люди, У них просветлели груди, И плоть лохмотьями висела на костях, То мертвцы по виду были И всё ж ходили, говорили, И всё же тайная в них жизнь ещё была. Они о чем-то совещались. И то кричали, то шептались: Гром падающих скал, хруст битого стекла... Я изумлён был несказанно. Вдруг вышел из толпы туманной И подошёл ко мне один из мертвцов.

Крым в русской поэзии

И тихий ветерок ветвями кипариса Шумел сквозь сон, как будто, надо мной, И ароматы роз ко мне неслися, Вдали шумел немолкнувший прибой. Гигантов-гор немые очертанья Виднелись мне в том сумраке ночном. Я был один и весь в свои мечтанья И сладостные грёзы погружен. И думал я: «Ты ли это, о Таврида, Страна былых, низвергнутых богов, Где некогда богиня Артемиды Имела храм близ этих берегов? Ты ли та страна, где жрица молодая Томилась столько лет в печали и слезах, С глубокой горечью и плачем вспомяная О тех покинутых родимых берегах?». 28 февраля 1892

Надежда БРОНИЦКАЯ

У БЕРЕГОВ ЛАЗУРНОГО МОРЯ Благословенный Крым! Волшебная краса! Улыбка яркая ликующей природы! По горным крутизнам растущие леса, К цветущим берегам стремящиеся воды.... Лазурным пламенем горящий небосвод, У моря белых вилл лазурное бденье Под кипарисами... и горных, светлых вод Вниз, по уступам скал, шумящее паденье... Благословенный юг!.. Какая красота! Весенний аромат и роз благоуханье... Природы ласковой волшебная мечта, Край соткан из лучей, весь полон обаянья!..

Фёдор ТЮТЧЕВ

ЧЁРНОЕ МОРЕ

Пятнадцать лет с тех пор минуло, Прошел событий целый ряд, Но вера нас не обманула – И Севастопольского гула Последний слышим мы раскат. Удар последний и громовый. Он грянул вдруг, животворя: Последнее в борьбе суровой Теперь лишь высказано слово; То слово – Русского Царя. И всё, что было так недавно Враждой воздвигнуто слепой, Так нагло, так самоуправно, Пред честностью его державной Всё рушилось само собой. И вот – «свободная стихия», – Сказал бы наш поэт родной, – Шумишь ты, как во дни былые. «И катишь волны голубые, И блещешь гордою красой!..». Пятнадцать лет тебя держало Насилье в западном плену: Ты не сдавалась и роптала, Но час пробил – насилье пало: Оно пошло как ключ ко дну. Опять зовёт и к делу нудит Родную Русь твоя волна, И к расправе той, что Бог рассудит, Великий Севастополь будит От заколдованного сна. И то, что ты во время оно От бранных скрыла непогод В своё сочувственное лоно, Отдашь ты нам, и без урона, – Бессмертный черноморский флот. Да, в сердце русского народа Святиться будет этот день, – Он – наша внешняя свобода, Он Петропавловского свода Осветит гробовую сень... 2 марта 1871

Владимир НАБОКОВ

ЯЛТИНСКИЙ МОЛ

В ту ночь приснилось мне, что я на дне морском... Мне был отраден мрак безмолвный; Бродил я ошупью, и волны, И солнце, и земля казались дальним сном. Я глубиной желал упитаться И в сумраке навек забыться. Чтоб вечность обмануть. Вдруг побелел песок, И я заметил, негодую, Что понемногу вверх изю я, И понял я тогда, что берег недалёк. Хотелось мне назад вернуться; Закрывать глаза и захлебнуться; На дно покато хотелось мне упасть И медленно скользить обратно В глухую мглу, но непонятно Меня влекла вперед неведомая власть. И вот вода светлее стала, Поголубела, заморчала... Остановился я: послышалась мне гул; Он поднимался из-за края Широкой ямы, замирая, Я к ней приблизился и голову нагнул, И вдруг сорвался... Миг ужасный! Стоял я пред толпой неясной: Я видел: двигались в мерцающих лучах Полу-скелеты, полу-люди, У них просветлели груди, И плоть лохмотьями висела на костях, То мертвцы по виду были И всё ж ходили, говорили, И всё же тайная в них жизнь ещё была. Они о чем-то совещались. И то кричали, то шептались: Гром падающих скал, хруст битого стекла... Я изумлён был несказанно. Вдруг вышел из толпы туманной И подошёл ко мне один из мертвцов.

Розовый ЗАКАТ в ЯЛТЕ

О берег бились розовые волны, Апел закат и надвигалась ночь... Казалось, – всё в природе мира полно И жизнь есть счастья радостная дочь... А между тем, кровь заливает землю И слышен стон по всей стране родной: Междоусобица, главу подъявляя, На братьев шлёт за строем новый строй!.. Безумные!.. Между собой враждая, Вы Родину распяли на кресте!.. – Природа дышит, ласкою чаруя, Зовёт весь мир к любви и красоте... Когда ж – мой Бог! злодейств и крови полный, Мир силу зла сумеет превозмочь?! – О берег бьются розовые волны, Спускается чарующая ночь... 1919, из сборника поэзии "Терновый венец"

Юнна МОРИЦ

Не зарей над Киммерией, киноварью и карминоном подплывает кровью бранной небо из аквамарины... Киммерия, вопль гортанный, юных пленниц страх и ужас, лики зноем сожжены. Под копытом свищут травы, коннолучники, пригнувшись, двуедины, как кентавры, тучей движутся с войны.

Ирина САМАРИНА

ПРОСТИТЕ НАС, РОДНЫЕ РОССИЯНЕ!

Простите нас, родные россияне, Пока ещё вращается Земля, Мы братьями вам быть не перестали, Вас предала не Родина моя, Не люди, что на площадь выходили, Пытаясь наболешнее сказать, А те, кто нашу Родину купили, Купили, чтобы выгодно продать. Правители приходят и уходят, Кто-то помнят долго и добром, Но комом каждый президент выходит, Как первый блин, в моем краю родном, Нас сорили с экранов и смеялись, Что разругались братья в пух и прах, Но верим, мы в душе людьми остались, И понесём друг друга на руках; Когда из нас кого-то ранят в спину, Не будем о гражданстве вспоминать, Я верю, что не может Украина На братские народы наплевать. Простите нас, что вас не пропускаем На собственных границах как врагов, Простите, что каналом доверяем, Где нас считают всех за дураков, Показывают войны, истерию, И получают в долларах паёк, Но нету Украины без России, Как без ключа, не нужен и замок. Мы все – одна семья, пусть разругались, Но ссоры ведь случаются в семье; И главное, чтоб мы людьми остались, А не зверьми, готовыми к войне За Землю, за туманные идеи, Забыв о том, что детям нужен мир! Я думать по-другому не умею, А мы для власти нашей просто тир, Хотят – на нас же армию направят, Хотят – на воздух нам введут налож; Но разлюбить Россию не заставят, Пока мы вместе – с нами Бог!

Газета «ДЕНЬ ЛИТЕРАТУРЫ» зарегистрирована в Министерстве Российской Федерации по делам печати, телерадиовещания и средств массовых коммуникаций 9 апреля 2001 года. Регистрационный № ПИ 77-7768. Учредитель – БОНДАРЕНКО В.Г.

Адрес редакции: 119146, г. Москва, Комсомольский проспект, 13, Тел. редакции: 8-499-246-00-54. Наш сайт: denlit.ru. Служба распространения: 8-499-246-88-52. Электронная версия: http://zavtra.ru. Электронный адрес: denlitera@yandex.ru. Газета отпечатана в ЗАО Красногорская типография, г. Красногорск, Коммунальный квартал, 2. Общий тираж 10 000

Главный редактор Владимир БОНДАРЕНКО. Выпускающий редактор Валентина ЕРОФЕЕВА. Подписано в печать 23.03.2015 г. Заказ № 323